Моя чужая дочь

Автор:
Сэм Хайес

Моя чужая дочь

Сэм Хайес

Зимой 1992 года маленькую девочку похищают прямо из машины, пока ее мать бегала покупать пирог перед визитом к свекрови. Примерно в это же время в старом доме рожает ребенка совсем юная девушка, которую родители держат взаперти в наказание за беременность.

Спустя тринадцать лет преуспевающий лондонский адвокат Роберт счастлив от того, что его приемную дочь Руби взяли в престижную музыкальную школу для особо одаренных детей. Радость его омрачает лишь странное поведение жены. Ничего не объясняя, Эрин запрещает дочери ходить в новую школу, всячески противится ее поездке в Вену вместе с классом. И чем дальше, тем загадочнее становится ее поведение. Но когда Роберт натыкается на старые письма, адресованные его жене, он понимает, что у Эрин есть в прошлом тайна, которая, скорее всего, разрушит их семью, если вовремя не вмешаться.

«Моя чужая дочь» – запутанный психологический роман с детективной интригой, которая держит читателя в напряжении до самого конца. Драмы нескольких людей сплелись воедино, и, чтобы распутать этот клубок, понадобятся любовь, терпение и умение прощать.

Хайес Сэм

Моя чужая дочь

Терри, Бену, Полли и Люси – с любовью. Держитесь друг друга.

Глава I

Молоко потекло секунд через тридцать после того, как я осознала, что моего ребенка украли. Помню, на ум пришла глупейшая мысль о белесых пятнах, которые неизбежно затвердеют на блузке к моменту встречи с родителями мужа. Перед еженедельным визитом к свекру со свекровью я завернула в супермаркет за фальшивым домашним пирогом. Рассчитывая убедить Шейлу, будто вынула чудо выпечки из собственной духовки, я даже захватила блюдо и нарядную салфеточку. А когда вернулась к машине (я и отошла-то на две минуты, клянусь, на две минуты, потому что езда убаюкала мою горластую Наташу), детское креслице на заднем сиденье было пусто. Тёплая вмятина от ее тельца да след детской отрыжки на обивке – и все.

Уронив коробку с пирогом на заиндевевшую землю, я обыскала машину, отметая одну бестолковую мысль за другой. Что, если я все же взяла Наташу с собой и забыла в тележке супермаркета? Или какую-нибудь чувствительную старушку умилили розовые щечки и пухлые губки? Неужели у меня настолько ранняя дочь, что, когда я ее найду, все вокруг поразятся, как это младенец восьми недель от роду выбрался из машины и отправился на прогулку? А может, Энди по пути к родителям заметил мою припаркованную машину и где-нибудь поблизости тетешкает Наташу? Ему-то разрешено, он ведь отец.

Машину я точно закрыла.

Я сильно стукнулась макушкой о крышу, когда выбиралась из салона, наконец признав, что Наташи там нет. Сколько драгоценных секунд потрачено зря.

В следующий миг потекло молоко, в ноющей груди вспыхнул пожар, затушить который можно, лишь покормив ребенка. Вот только ребенка я потеряла. По-зимнему низкое солнце слепило глаза, пока я прочесывала взглядом окрестности в поисках Наташиного личика, выглядывающего над плечом ее отца. Сейчас… вот сейчас нахлынет волна облегчения, потому что моя дочь нашлась. Сейчас я пойму, что с ней не случилось того, чего я так боюсь, потому что моя искаженная реальность вовсе не реальна.

В этой части парковки было до странности безлюдно, лишь пожилая пара возилась у машины, складывая пакеты с продуктами в багажник.

– Энди… – просипела я, будто внезапно сраженная бронхитом.

Густая слюна комом стала в горле; хватая ртом ледяной воздух, я с каждым вдохом обжигала глотку. Нужно осмотреть всю площадку, заглянуть во все уголки… Но стоило только повернуть голову, как глаза застилал туман, а в ушах раздавался пронзительный свист. И тогда я превратилась в разъяренную самку.

– Таша!

На этот раз горло мне подчинилось, издав звериный рык. Я застыла, широко расставив ноги, стиснув кулаки, выдвинув вперед плечи. Миг спустя я уже металась между машинами, вытянув шею, на пределе голосовых связок взвизгивая имя дочери. По дороге напала на стариков-супругов, те в ужасе вскинули руки, – теперь-то ясно, что они приняли меня за грабителя.

– Вы не видели мою дочь?! Ребенка не видели?!

Вряд ли они поняли хоть слово из моего змеиного шипения, а если и поняли, то ответить не рискнули. Я кинулась дальше – инстинкт подсказывал, что каждая секунда на счету. Я выкрикивала Наташино имя, пока голос не отказал. Я наматывала круги по парковке, между машинами, пока не поскользнулась на замерзшей луже и не рухнула ничком на бетон. На плечо мне легла ладонь. Я подняла голову, наткнувшись взглядом на флуоресцентно-яркий жилет, что навис надо мной… и услышала детский плач.

Вскочив на ноги, вытянувшись, я вся обратилась в слух. Где-то скулила собака, видно изнывая без хозяев в машине; урчал и постанывал автопогрузчик, вынимая контейнеры с товаром из фургона; бряцали друг о друга магазинные тележки, которые подросток в униформе неуправляемым составом увозил с парковки. Все пять моих чувств пришли в боевую готовность.

Снова детский плач.

Сквозь наслоения других звуков я отчетливо слышала, что ребенок вопит, визжит, надсаживается криком, требуя маму. Такой же грудной ребенок, как Наташа. Звук сомкнулся в круг, раздирая мой и без того воспаленный череп в шелуху. Плач, визг, крики моей малышки. Я не знала, в какую сторону бежать.

Я поставила ногу на бампер, сделала еще один шаг наверх и выпрямилась в полный рост на капоте синего «форда-универсала», совсем новой модели, – помню, я еще подумала, не осталось бы вмятин. Боже, до чего четко все сохранила память. Как сейчас вижу перчатки на приборной доске, освежитель воздуха в форме елочки, болтающийся на зеркальце заднего вида. Вскарабкавшись на крышу «форда», я смогла увидеть не только всю парковку целиком, но и территорию за ограждением. Гладкая поверхность металла чуть прогибалась под моим весом.

– Мисс! – сказал человек в пронзительно-желтом жилете. – Успокойтесь, мисс.

Глаза у него были черные и очень круглые: он наверняка считал меня сумасшедшей.

– Тихо! – взмолилась я в отчаянии, что он заглушит голос Наташи.

Плач доносился со стороны выезда на автостраду. Щуря глаза от слепящего солнца, я всматривалась вдаль, кажется, годы, но на деле прошло лишь секунды две – и я увидела бегущую фигуру.

Через парковку супермаркета бежал человек с ребенком на руках.

– Наташа! – завопила я, не отдавая отчета в собственной глупости, – как будто грудной младенец способен отозваться!

На землю я спрыгнула прямо с крыши машины – неловко спрыгнула, подвернув ногу, – и ринулась к воротам. Я довольно высокая, но все же на земле существенно ниже, чем стоя на крыше машины, так что уследить за бегущим человеком поверх голов несметных субботних покупателей оказалось делом почти безнадежным. Но я была не матерью, а монстром, в моих глазах плескалась чистая, ничем не разбавленная паника, и я прорвалась сквозь толпу к дороге, откуда просматривалась вся улица.

Мне не хватало воздуха, истекающие молоком груди тяжело прыгали вверх-вниз под зимним пальто, по спине ползла струйка пота. Я вертела головой, простреливая улицу лихорадочным взглядом. Знакомые магазины, куда я заходила едва ли не каждую неделю своей жизни, вдруг расплылись в бесцветные иноземные лавки. Весь город с этого момента стал для меня чужим, а я заблудилась на его улицах, как турист, не знающий языка.

Человек с младенцем на руках – длинный шарф вокруг шеи, зимняя шапка, ладонь в перчатке поддерживает крохотную детскую головку – мелькнул в конце Холтс-аллеи. Нырнув в автомобильный поток, лавируя меж гудящих машин, я устремилась в проулок. Годы спустя мне кажется, что я опоздала всего секунд на пятнадцать-двадцать. Годы спустя мне кажется-я вообще не соображала, что делаю.

Холтс-аллея насквозь провоняла картошкой фри, пивом и мочой. На углу вечно крутились подростки, и тот день, 4 января 1992 года, не был исключением. Во время беременности, когда приступ обжорства брал верх над благоразумием, я пару раз прерывала экскурс по магазинам, чтобы втихаря улизнуть в забегаловку «У Эла» на Холтс-аллее. Юные аборигены, как правило, ловили шанс подпустить шпильку-другую в мой адрес: мисс что-то округлилась в талии, и не знает ли мисс, что от жареных сосисок ее разнесет как на дрожжах. С осторожной улыбкой, чтобы не раздражать шайку, я проскальзывала в кафешку, где уминала вредные деликатесы Эла, чувствуя себя виноватой, как кормящая мать, которую застукали с сигаретой в зубах. Но чипсы все же не табак, и поскольку я всегда думала о пользе для ребенка – почти всегда, – то и уговаривала себя, что картофель фри и запах мочи большого вреда не нанесут.

Я врезалась в группку праздного молодняка, выбив банку с пепси из чьей-то руки.

– Ой!

– Кто-нибудь видел ребенка? Человека с грудным ребенком на руках видели? – Я брызгала слюной во все стороны. – Только что… здесь… кто-нибудь пробегал? – Пытаясь отдышаться, я согнулась, вытирая влажные ладони о колени своих черных вельветовых слаксов с резиновым поясом – единственной относительно нарядной шмотки, в которую мне удалось влезть ради приема у свекрови.

– Не-а.

– Пожалуйста! У меня украли ребенка! Что с юнцов взять – сплошь прыщи и бравада. Я их не виню. По крайней мере один из них, спустя несколько недель увидев объявление о пропаже ребенка, сам пришел в полицию и подтвердил мои слова. Я ринулась дальше прочесывать улицу за улицей. Человек с длинным шарфом исчез. Вместе с Наташей.

На обратном пути к парковке я убедила себя, что найду Наташу в машине, накрепко привязанную к детскому креслицу. Совершенно очевидно, что паника неопытной мамаши застлала мне глаза. Я никогда не слышала о синдроме материнской слепоты, но это не значит, что такого не существует… А это что? Посреди дороги белела крохотная пинетка, на вид ручной вязки. Я ее подняла. «Вполне могла быть и Наташина» – подумала я, вспомнив горы вещичек, связанных Шейлой для внучки. Находку детской обувки я восприняла как счастливое знамение. Кто-то подавал мне знак, что все будет хорошо, вот только моя глупость не позволила мне проникнуть в суть этого знака.

Дорогая Наташа!

С днем рождения, солнышко. Моя маленькая Наташа теперь подросток…

Не годится. Звучит так, будто она все еще грудной ребенок. Я скомкала листок и начала письмо заново. Для меня она и есть грудной ребенок…

Дорогая Тата! (Уже лучше, менее официально.)

Даже не знаю, с чего начать, – ведь столько лет прошло. Ты, должно быть, считаешь, что я могла бы и раньше написать. По правде говоря, мне было очень страшно. Я вздрагиваю, даже услышав имя Наташа по телевизору. Понимаешь, я люблю тебя так же сильно, как в те несколько коротких недель, когда ты у меня была. Любить человека, которого у тебя отняли, – такая боль…

Я смяла и этот листок. Вздор. Она поднимет меня на смех.

Я мчалась к парковке, вновь терзая свое измученное недавними родами тело: не так это просто – нести перед собой живот, который ходит ходуном, будто ты влила в себя литров пять свежего апельсинового сока пополам с молоком. До машины я добежала, но салон был пуст. Наташи не было. По-прежнему не было.

Моя дочь исчезла. Человек в слепяще-желтом жилете и пожилая пара с покупками – тоже. А я до боли в сердце жаждала чего-то знакомого, поддержки хорошего человека, доброго голоса, проникновенно обещающего, что все будет в порядке. Дверца моей машины, по-прежнему распахнутая, царапала глянцевый бок соседки, и фальшивый домашний пирог лежал все на том же месте, куда я его уронила.

Внезапно в голове прояснилось, словно спринт по улицам вернул мне толику здравомыслия. Нужно вернуться в супермаркет, обратиться за помощью и позвонить Энди, – возможно, он еще на работе. Мы должны встретиться у его родителей, но ужин подождет, хотя Шейла наверняка разозлится из-за погубленных блюд. В супермаркете мне, скорее всего, предложат чашку кофе – совсем не лишнее в этом моем новом бесцветном, сереньком мире, где нет ни звуков, ни чувств, ни времени, ни единого шанса на возвращение нормальной жизни.

Я подобрала пирог и обтерла упаковку, подумав, что менеджер магазина запросто примет меня за воровку, учитывая, что товар не в пакете. В супермаркет я вошла с уверенностью, что вот-вот проснусь. Мне нужны были люди вокруг. Бесконечно добрые люди.

Дорогая Наташа (снова официальный тон, но мы ведь довольно давно не виделись).

Ты должна знать – последние тринадцать лет не было ни дня, чтобы думала о тебе. Вспоминая о тебе, я всякий раз рисую в воображении образ девочки чуточку выше, чуточку старше, а теперь, по прошествии стольких лет, и чуточку взрослее, даже женственнее. Я перебираю собственные детские фотографии, чтобы представить, какой ты могла теперь стать. Ты родилась моей копией, это все признавали, – те же ямочки, те же длинные ресницы. Глаза у тебя по-прежнему синие? А месячные уже начались? Или ты давно мертва и превратилась в прах?

Еще один листок отправился в мусор. На улице моросит, точнее, с небес сыплет мелкая, матово-белая, как жемчуг, крупа. Четыре часа дня, но уличные фонари уже включены. В их свете тротуар красиво отливает металлом, а деревья с давно облетевшими листьями, несмотря на унылый ноябрь, кажутся по-весеннему полными жизни.

Я включила электрический камин и телевизор: в слащавом шоу удачливые семейства выигрывали холодильники и машины. Заварила себе чаю – позже его разбавит джин или водка, смотря на что сегодня скидка в «Спар», – и, завернувшись в плед, прихватив блокнот и ручку, с ногами забралась в кресло. Я и пинетку взяла, ту самую Наташину пинетку, которую нашла на дороге, – мне вернули ее, в пакете, запечатанном пластиковой молнией, когда полиция прекратила поиски моей дочери.

Ритуал этот я исполняю каждую субботу января – Наташа исчезла в январе – и шестого ноября, в день ее рождения. А в остальное время стараюсь быть нормальным человеком. Глядя на меня, и не скажешь, что я была мамой и потеряла ребенка.

Дорогая Наташа Джейн Варни. (Таково ее полное имя – если на то пошло, откуда еще она его узнает?)

Рада сообщить тебе, что твоя мама, миссис Черил Сьюзен Варни, жива и здорова, чего и тебе желает. Она молит Господа о спасении тела и души твоих; печалится и горько сожалеет о том, что так и не пришлось ей качать тебя на качелях, печь именинные пироги в твою честь, готовить тебе сосиски с фасолью…

Нет, и это не пойдет. Скомкав листок, я запускаю бумажный шарик в корзину. На экране – рекламная пауза. Не люблю рекламу: нам ведь вовсе не товары предлагают, а образ жизни пытаются навязать. Кто сказал, что принимать душ нужно непременно в ванной с прозрачными стенами и видом на вечно залитый солнцем пляж с нежнейшим песком, а шампунем пользоваться исключительно «Спиффо», чтобы волосы стали длинными и блестящими, как у нагой красотки из ролика? Может, и мне прикупить «Спиффо» – вдруг моя гнилая, насквозь проплесневевшая ванная завертится волчком и нарисуется на Бермудах, едва я

вылью шампунь на голову? Вдруг с этим разрекламированным чудом и жизнь моя засияет, а Наташа вернется? Вдруг я получу еще один шанс…

Я знаю точно: дверь машины была заперта.

Пока телевизор орет рекламой, я обшариваю кухню в поисках чего-нибудь спиртного. Попытки написать письмо дочери проваливаются одна за одной, и я удручена. Другие матери наверняка пишут своим детям легко и непринужденно.

Из алкоголя обнаружились лишь остатки сладкого хереса, которым я пропитывала коржи. Осторожно пробираюсь обратно в гостиную, сунув липкую бутылку под затасканную домашнюю кофту, в комнате же припадаю к горлышку прямо перед окном, так что с улицы меня могут видеть все кому не лень.

Да, я живу будто под непрерывным надзором. Почему? – спросите. На то есть несколько причин. Возможно, за мной следит око Всевышнего, поскольку Он жалеет меня и опекает, вкупе с такими же потерянными, никчемными тварями земными. Или это мой ангел-хранитель не спускает с меня глаз, и тогда это определенно Наташа: кто еще может знать меня настолько хорошо? Или же – и скорее всего, третий вариант единственно верен – я просто-напросто не в форме. Кто-то скажет – чувство вины. Для меня это жизнь.

Потому я и сажусь лицом к окну, глотая херес прямо из бутылки, – в надежде, что меня увидит кто-нибудь реальный. Уж лучше пусть в окно глядят, иначе можно и впрямь свихнуться – под вечным присмотром неведомо откуда.

Вот! Из киселя сумерек выплыл силуэт: женщина выгуливает собаку. Глянула прямо в мое окно и застукала меня за пьянством. Я редко задергиваю шторы, так что прохожие могут мельком увидеть кусочек моей жизни, да и мне они дают пищу для размышлений: кто они такие да как сложились их судьбы. Есть и постоянные, и у каждого своя причина проходить мимо моей застекленной веранды в строго определенное время. Некоторых я наделила именами, характерами и судьбами, включив в круг моих незнакомых друзей.

Марджори появляется раньше всех – покупает газету. Как-то она попыталась бегать трусцой – я впервые увидела ее в розовом велюровом костюме, – но обратный путь проделала уже шагом, отдуваясь, вся взмокшая и багровая. Утром, ровно в восемь двадцать пять, и днем, без десяти четыре, ежедневно,

кроме выходных и каникул, пробегают школьники. Наташа сейчас училась бы в шестом классе, и потому я не в восторге от шастанья подростков у моего дома. В окно я в это время стараюсь не смотреть, но куда денешься от следов их присутствия: мой садик, размером с наволочку, юнцы регулярно используют как урну – банки из-под колы, целлофановые пакеты, окурки. Зато я обычно стучу по стеклу, привлекая внимание, и улыбаюсь Фредерику, когда он идет за говяжьим языком, – без сандвича с языком он себе обед не мыслит. Фредерик числится среди постоянных гостей у моих окон, хотя на несколько месяцев пропадал. С тех пор как умерла его жена, ему постоянно слышатся стуки.

Вернувшись в супермаркет, я не могла сообразить – то ли мне вновь встать в длиннющий хвост к кассе, то ли мчаться сразу к главному менеджеру, которого в субботу тоже атаковала толпа покупателей. Выбрала промежуточный вариант и заняла очередь к экспресс-кассе. Здесь оплачивали не более десяти покупок – все, кроме тетки прямо передо мной, с доверху набитой тележкой.

Кто-то, казалось мне, постирал красочный мир при слишком высокой температуре, превратив его в отвратительно, однообразно серый. Мир стал еще и плоским, как кукольный картонный театр: дунь посильнее – и магазин вместе с людьми-фигурками полетит вверх тормашками.

Моя паника, ослепительная, как вспышка на Солнце, к этому моменту отгорела; мне хотелось только одного: чтобы обо мне позаботились, кто-нибудь, кто угодно. Лишь бы выстоять очередь и поделиться своей трагедией с девушкой за кассой, а там уж меня окружат теплым участием, без которого мне не выжить. Шажок за шажком я продвигалась к цели, прижав к груди пирог, раздирая ногтями упаковку, а как только смогла дотянуться, бросила его на ленту конвейера, чтобы не измусолить окончательно. Во мне все еще жила надежда поразить свекровь собственной выпечкой.

Женщина передо мной, расплатившись наконец за всю свою бакалею, еще миллион лет потратила на то, чтобы рассовать продукты по пакетам, а остатки пенсии – по кармашкам кошелька из фальшивого крокодила. Все пять органов чувств ловили мельчайшие нюансы, излишние, но отчетливые детали – тем самым, наверное, спасая меня от убийственной реальности. Мне бы взвинтить себя до предела да вспыхнуть факелом посреди торгового зала – магазин вмиг затопили бы специалисты всех сортов; нашлось бы кому броситься на поиски моей дочери. Ведь Наташа была где-то совсем рядом. А я просто раскисла. С

величайшим трудом, едва волоча ноги, как калека, я продвинулась вперед и остановилась напротив полусонной прыщавой кассирши. Привычным жестом та подставила руки, принимая подъезжающий на ленте пирог.

– Видите ли, я ничего не брала… Вообще-то я хотела спросить: у вас тут случайно…

Поздно – пирог уже пискнул под сканером.

– Два девяносто девять, пжалста. Щас заменим. Этот всмятку. – Наклонившись к микрофону, она закрыла глаза, будто собралась исполнять караоке. – Сандру к кассе номер три. Клиент ждет. Касса номер три.

– Но я уже один раз…

Объяснять не было сил. Я пыталась открыть сумочку. Неужели это моя? А может, чужая? Тем более что руки, бессильно ковырявшие замок, я абсолютно точно видела впервые в жизни. И голос на мой нисколько не похож… Все предельно ясно: я больше не Черил.

Дрожащая рука протянула кассирше кредитную карточку. Наличные я истратила на оплату пирога в прошлый раз.

– Проверьте и подпишите, пжалста.

Сандра принесла замену изувеченному пирогу, и я молниеносно отметила дату изготовления: на целые сутки раньше моего.

Помню, я подумала: меня волнует свежесть пирога – значит, мою малышку не украли. Ну никак не могли украсть. Если бы Наташа действительно пропала, то я не топталась бы у кассы супермаркета и не платила за товар, который уже один раз купила. Нет, конечно! Я требовала бы полицию, визжала, рыдала, выла, металась бы между покупателями, умоляя о помощи.

Я расписалась в квитанции и рассмеялась – невыразимое облегчение затопило меня, и я выплескивала его с хохотом, безмерно счастливая. Разумеется, Наташа не исчезла; я оставила ее в запертой машине, где она по-прежнему мирно спит.

Я собралась к Шейле и Дону, туда же приедет Энди, и мы прекрасно проведем вечер за насущными беседами (о детях) и чаем с шоколадным пирогом, за который я только что расплатилась.

Шейла – большая любительница поговорить о малышах, поскольку в детях она дока. Сама троих вырастила, ей ли не знать, что к чему. В вязании она тоже виртуоз – уж в вязаных вещах ее дети нужды не знали – и мастер давать рекомендации. В каждый свой визит я получала сотни полезных советов по воспитанию здорового и счастливого ребенка – словно я не дочь родила, а взяла в дом экзотического зверька.

– Когда младенец насытится, легонько оттяни мизинцем уголок ее рта, чтобы освободить сосок, иначе проблем с трещинами не оберешься, – наставляла Шейла в дни моего привыкания к грудному кормлению. – Меняешь подгузник – сразу не пеленай ребенка, пусть с полчасика поболтает ножками-ручками. Потница нашей куколке совершенно ни к чему! А непременный сон на свежем воздухе зимой и летом – основа здоровья ребенка. Главное – не забывать о сетке, не дай бог, вывалится!

Словом, не женщина, а телефон доверия по вопросам материнства, номером которого я не пользовалась.

– Вы спрашивали – у нас тут случайно – что? – Кассирша расплылась в ухмылке. Не так уж она и плоха, в конце концов.

– Ой, да ничего! – Я тоже улыбалась, засовывая пирог в пакет.

К выходу из картонно-кукольного супермаркета я шла, убыстряя шаги; проскочила струю горячего воздуха в дверях и нырнула в холод стоянки. Я бежала к своему «рено».

Идиотка. Полоумная. Безответственная, невменяемая, психованная мамаша-новичок. Как мне вообще могло прийти в голову, что моя девочка пропала?! Зрение вкупе с прочими чувствами определенно решили меня разыграть. А ведь доктор предупреждал, что хронический недосып чреват. По ночам Наташа – принцесса капризная, до рассвета проплачет, зато уж днем выспится на славу. Вот и довела меня до ручки своими играми – ровным счетом ничего не соображаю!

Я от всего сердца надеялась, что после кросса по окрестным улицам не появлюсь пред очи свекра со свекровью в слишком уж растрепанных чувствах.

Я долетела до машины. Салон был пуст.

Наташу украли. Никаких сомнений.

Я обмочилась, дико завыла – и лишь потом рухнула на землю.

Дорогая Наташа,

Когда тебе было полтора месяца, тебя украли. Я по глупости оставила тебя в машине, а сама пошла в магазин. Наш папочка Энди ждал нас с тобой у бабушки Шейлы, где мы должны были пить чай с шоколадным пирогом. Я очень старалась тебя найти, но нашла только вязаную пинетку, она валялась посреди дороги. Потом было много полицейских, они долго-долго тебя искали, проверили всех преступников, расклеили объявления о твоей пропаже и по телевизору сообщили. А потом перестали искать. Твою папку переложили к делам «почти безнадежным», вернули мне пинетку и сказали, что делают все возможное.

Хочу, чтобы ты знала, Наташа, – я тебя любила, как люблю и всегда буду любить. Иногда мне кажется, что ты жива и здорова, тебя растят добрые люди, которые любят тебя как родную, терпят твою хандру и вспышки гнева – подростки всегда то хандрят, то огрызаются, – понимают твою страсть к мотоциклам, принимают твоих друзей и наотрез отказываются разрешить тебе проколоть пупок. Но в иные дни правда обрушивается на меня так же беспощадно, как в ту секунду, когда я поняла, что тебя больше нет в моей жизни.

Каким ты видела мир в свой последний миг? Смотрела в лицо своего убийцы, пока тот душил тебя? Таращила на него глазенки с тем же доверчивым обожанием, от которого млело мое сердце, когда я тебя кормила? Или после долгих часов крика ты забылась голодным сном и незаметно угасла? Был ли твой уход безмятежным – или после многих недель страданий ты покинула нас с жаждой мести в сердце?

Где бы ты ни была, жива ли ты или мертва, я каждую секунду ощущаю тебя. Я тебя чувствую и мечтаю вернуть.

Ты удивительная, моя Наташа. Я люблю тебя, и мне очень плохо.

Твоя мама.

Сегодня мне ее не найти. Я знала это наверняка и сочла достаточной причиной, чтобы прикончить херес. В итоге вечер был потерян, я отключилась и пропустила любимую телевикторину.

Глава II

Дожидаясь результатов, Роберт смотрел на жену. Если бы она обернулась, он мог бы ее поддержать – улыбнуться, пожать ее узкую ладонь, да что угодно, лишь бы развеять нервозность, что так и выплескивалась из нее.

Но Эрин не обернулась. Все ее внимание было сосредоточено на директрисе – до карикатурности типичной патронессе частного колледжа. В мягком сером костюме, вскинув светловолосую голову – волосок к волоску, дань торжественности случая, – Эрин стиснула ладони на коленях и окаменела: к отказу готова.

Пока директриса шуршала бумагами, Роберт позволил себе быстрый взгляд на ноги жены. Для женщины, привыкшей к джинсам и ботинкам, она сидела слишком правильно, даже чопорно – сдвинув колени и выровняв носки изящных шпилек. Рассчитывает произвести впечатление на главу элитного заведения, подумал Роберт, отсюда и неестественная поза. Из-под юбки Эрин выглядывал кружевной край чулка, и Роберт улыбнулся: добрый знак. Все будет хорошо.

– Откровенно говоря, дорогие мистер и миссис Найт, хотелось бы мне побольше таких учениц, как ваша Руби. – Мисс Укотт сняла очки и прищурилась на фортепиано в дальнем конце комнаты.

Роберт едва не забыл о том, что Руби тоже здесь, хотя отзвуки только что сыгранной мелодии еще порхали бабочками по узкой, с деревянными панелями, библиотеке колледжа.

– Иди к нам, Руби. Садись. – Сильно напудренное лицо мисс Укотт от улыбки покрылось сеточкой морщин.

Руби соскользнула с круглого фортепианного табурета и двинулась к столу мисс Укотт. Роберт уловил, как изменилась поза жены – плечи чуть заметно, но расслабились, напряжение покидало мышцы. Ему захотелось победно пронзить кулаком воздух, схватить Руби в охапку, осыпать Эрин поцелуями, но он этого не сделал. Не имел права – до тех пор, по крайней мере, пока директриса официально не подтвердит, что Руби принята.

Его падчерица неуклюже шагала по полированному паркету, резиновая подошва одного ботинка заметно поскрипывала. Ей так несладко пришлось – пусть хоть здесь все сложится, подумал Роберт.

Руби присела на краешек кресла. Стоило ей отойти от фортепиано, как она превратилась в самого обычного подростка: застенчивая угловатость, крылья носа в крупных порах, два-три мелких прыщика на лбу. Взгляд Роберта на падчерицу, устроившуюся рядом с Эрин, светился любовью.

Он гордился силой воли своей девочки, мужественно перенесшей непростое испытание. Руби усмирила свою угольно-черную гриву и, по примеру матери, наряд выбрала подобающий. Однако, кроме схожих строгих костюмов, общего у этих двух женщин было на удивление мало. Стерев с губ довольную ухмылку – его надежда на успех явно оправдывалась, – Роберт сделал Руби знак, чтобы заправила выбившуюся из «хвоста» прядь. Обе его девочки должны быть безупречны и счастливы.

– Руби! Мы рады предложить тебе место в Грейвуд-колледже. Принимать новых учениц посреди учебного года у нас не принято, и тем не менее я согласна. – Судя по торжественному тону, мисс Укотт сделала редчайшее открытие. Вернув очки на нос, она уткнулась в папку: – В каждом из трех тестов – свыше девяноста семи очков из ста! Результат отменный, доложу я вам, юная леди.

Покраснев, Руби опустила голову, но Роберт успел заметить мимолетную улыбку, уловил облегченный выдох, искру радости в глазах, на миг потемневших. Сейчас бы обнять ее, прижать к себе. Несмотря на свои тринадцать, Руби еще не отвергла «телячьи нежности».

– Однако прежде всего нас впечатлила твоя музыка. – Мисс Укотт подалась вперед, через стол из палисандра, легла грудью на скрещенные руки. Голос ее, упав, зашелестел, словно она опасалась спугнуть талант, выисканный специально для ее колледжа. Словно Руби – зверек дикий и редкостный, которого необходимо изловить и приручить. – Среди наших учениц много дарований… – Голос мисс Укотт сорвался от гордости: игра Руби, похоже, начисто лишила директрису обычного высокомерия.

– Мы знаем, что девочка у нас особенная, – вмешалась Эрин. – И музыка тут ни при… – Не договорив, Эрин протянула руку, сжала ладонь дочери. – Руби сама по себе особенная.

Послав жене взгляд, равноценный удавке на шее, Роберт кивнул мисс Укотт: слушаем вас, продолжайте.

– Ты будешь учиться в группе из восьми музыкально одаренных девочек, Руби. Мы предпочитаем объединять учениц в соответствии с их талантами. Занятия начинаются в половине девятого, заканчиваются в четыре часа. – Мисс Укотт шумно выдохнула и вновь сняла очки. – По колледжу вас всех провели, наш проспект вы видели. Есть какие-нибудь вопросы?

Роберт ожидал шквала вопросов, по-матерински тревожных, однако Эрин лишь молча пожала плечами.

– Выглядит все безупречно, – наконец произнесла она. – Грейвуд – идеальный вариант для Руби. Здесь она сможет начать с нуля.

– Н-да. – Голос мисс Укотт внезапно будто охромел. Глядя, как директриса, вернув очки на нос, перебирает листки в папке, Роберт с трудом сдерживал волнение – пульс у него зашкаливал. – Я изучила твою характеристику из прежней школы, Руби. Пожалуй, твоя мама права: начало с нуля – именно то, что тебе нужно. Ты готова посвятить Грейвуду всю себя без остатка?

– Даю слово, мисс! – Темные глаза Руби вспыхнули. – Я не виновата в том, что происходит со мной в школе… – добавила она, подпустив жалобную нотку.

Веко у нее чуть подергивалось – доказательство того, какая лавина чувств грозит вырваться наружу и все испортить. «Помолчала бы ты лучше, моя девочка», – беззвучно велел Роберт. Мисс Укотт – при желании – могла копнуть школьную жизнь Руби поглубже и пересмотреть свою готовность предложить ей место в колледже. Директриса, однако, подняла взгляд от досье Руби и дотянулась до пальцев девочки.

Руби улыбнулась и снова покраснела – то ли в замешательстве, то ли от облегчения, непокорный черный локон вновь упал ей на лицо. Звучно сглотнув и повинуясь руке мисс Укотт, она придвинулась.

– Грейвуд заполнит твою жизнь, – прошептала директриса. – И на всяческие выходки не останется времени.

Роберт готовился защитить Руби, мысленно собирая, по укоренившейся адвокатской привычке, свидетельства ее невиновности и формулируя обвинение противоположной стороне. Он уж и рот открыл, но жена послала ему взгляд сродни тому, которым он только что одарил саму Эрин. Роберт посмотрел на падчерицу: неужели вскипит и все пойдет прахом? Щеки Руби пылали, опасный жар тлел и в глубине темных глаз. Но вот пухлые губы сложились в улыбку, а эта улыбка была способна затушить любой пожар.

– Я вас не подведу, – сказала Руби. Роберт и Эрин в унисон выдохнули.

– Значит, решено. Ждем тебя в понедельник, Руби. – И мисс Укотт развернулась к Эрин, заставив ту вздрогнуть: – Таким образом, миссис Найт, у вас есть целая неделя на подготовку школьной формы для дочери. Кроме того, вам необходимо заполнить анкеты и предоставить в нашу канцелярию копии справок о прививках и свидетельство о рождении. Желательно, чтобы секретарь получила все документы до начала учебы Руби. – Напоследок мисс Укотт обратилась к Роберту: – Мы пришлем вам счет за оставшийся до конца семестра период. Опять же, желательно, чтобы вы оплатили его как можно скорее.

– Разумеется. – Роберт понял намек и поднялся, протягивая директрисе руку. Переговоры подошли к концу. – Руби будет очень стараться. – Он задержал

костлявую ладонь мисс Укотт в своей на миг дольше, чем дозволялось этикетом. Зато его жена, когда подошла ее очередь для рукопожатия, не шелохнулась. – Эрин? – с нажимом произнес Роберт. – Нам пора.

Эрин будто окаменела, румянец стек со щек, светлые глаза обрели зеркальный блеск от пелены внезапных слез. Такой убитой, такой мертвенно-бледной Роберт видел жену лишь однажды, когда преподнес ей сюрприз – медовый месяц на Барбадосе. Увы, праздничный отпуск пришлось отменить: Эрин, как оказалось, до смерти боится летать.

– Пойдем, дорогая? – Роберт опустил ладонь на плечо жены, надеясь вывести ее из счастливого транса, или шока, – словом, из того состояния, в которое ее повергла радостная новость.

Эрин судорожно дернулась, будто очнулась от кошмара.

– Извините… – выдавила она с очевидным трудом и поднялась. – Я просто… – Игнорируя протянутую руку директрисы, она кинулась к двери.

Хмурясь, Роберт сопровождал свое семейство на выход из Грейвуд-колледжа, в твердой уверенности, что не позднее следующего понедельника Руби сюда вернется – в новенькой форме, с рюкзаком через плечо, готовая начать с нуля. Он шагнул из прохлады мраморного вестибюля в солнечный день, под купол летнего марева, что висело над городом, и замер, глядя на тех, дороже и прекраснее кого у него не было.

– Ты была бесподобна! – воскликнул он, одной рукой обнимая Руби, другой привлекая к себе жену. – Предлагаю выпить за твою победу по бокалу чего-нибудь холодненького.

Фирменная полуухмылка Роберта исчезла, так же как и бесстрастное, поистине адвокатское выражение лица. Сейчас Роберт светился гордостью и воодушевлением. Этот энтузиазм, однако, его жене не передался. Эрин не обняла его в ответ, ни словом, ни жестом не дала понять, что тоже рада за Руби. А ведь какой повод для радости! Шутка ли – дочь приняли в одно из самых престижных частных учебных заведений Лондона. Руби спасена. А ее мать, к большому недоумению Роберта, отличная новость будто и не тронула. Уронив руку с плеча жены, Роберт слегка отстранился и одним пальцем приподнял ее

подбородок.

– У меня дико болит голова. – Болезненно щурясь от яркого солнца, Эрин прижала ладонь ко лбу. – Тут рядом есть бар.

Роберт и рта не успел открыть, а она уже бежала через дорогу, лавируя между машинами и увлекая за собой дочь.

– Выпивка – как раз то, что нужно при головной боли!

Напоминать об осторожности Роберт не стал – в таком настрое Эрин вряд ли послушно вернулась бы на тротуар. Он торопливо купил букетик в цветочном киоске, сбросил светло-серый пиджак, закинул на плечо и зашагал вслед за своими женщинами, не в силах стереть с губ довольную улыбку, – счастье еще, никто из знакомых не видит его с таким идиотским выражением на лице.

Вытерев испарину, он вошел в бар, где липкая, изнуряющая уличная духота сменилась холодком кондиционеров, пропитанным запахами табака и пива. Эрин и Руби уже сидели за столиком в уютной кабинке. Роберт бросил пиджак на высокий табурет, сверху аккуратно положил букетик, заказал выпивку и, пока бармен наполнял бокалы, разглядывал жену и дочь, привычно изумляясь тому, что они есть в его жизни. Как это случилось? Откуда они явились, эти волшебные создания?

Руби была возбуждена, жестикулировала много и сумбурно; ее как будто стало вдвое больше. Казалось, душа ее просачивается сквозь поры кожи и рвется наружу, – то выплескивалось, Роберт знал, ликование девочки: она будет учиться в Грейвуд-колледже! Чувство вины изжогой жгло ему горло, но Роберт старался держать его в узде. Не стоит, твердил он себе, так уж казниться за то, что не отправил этого ребенка в Грейвуд раньше, хотя знал и о ее музыкальном даровании, и о проблемах в школе. До сих пор во всем, что касалось судьбы Руби, он упорно держался в стороне, оправдывая собственное бездействие отсутствием кровных уз. Руби ему не родная, в роли отца он выступал лишь полгода, а официально удочерил каких-нибудь полтора месяца назад и потому не ощущал за собой ни опыта, ни права вмешиваться в процесс воспитания. Протягивая бармену двадцатку, Роберт краем глаза следил за отражением Руби в зеркальной стене. Всего-то ничего и времени прошло, а эта девочка стала ему ближе, чем если бы была плодом его семени, его плотью и кровью. Она

необыкновенная. Дети – большие мастера ловить в свои сети сердца, открытые для любви и нежности, а уж Руби в этом деле просто гений: об отце она страстно мечтала с младенчества.

Роберт ссыпал сдачу в карман и с букетиком под мышкой понес бокалы к кабинке.

– Для нашей умницы! – Он вручил цветы сияющей падчерице. – Ну, за Руби и ее будущее!

Громогласный тост вынудил не одну голову в баре повернуться. Роберт протянул Руби фруктовый коктейль, звонко чокнулся с ней и поднял бокал, салютуя Эрин. Жест пропал впустую: Эрин в два глотка осушила свой бокал и поднялась. Буркнув «прошу прощения», она выскользнула из кабинки.

Роберт проводил жену взглядом. Она заказала еще «Блэк Джек», двойную порцию, и выпила с такой легкостью, словно это был едва теплый кофе. Пальцы ее то и дело нервно ерошили песочные волосы, а носок туфли мелко-мелко постукивал по металлической барной подножке.

Поведение жены озадачивало, но Роберт не желал, чтобы странный настрой Эрин притушил радость Руби. Протянув руку через стол, он перебирал тонкие пальцы девочки, слушал ее восторженный щебет о Грейвуд-колледже и гадал, что могло до такой степени взвинтить Эрин. Она собралась опрокинуть очередную порцию, и Роберт, знаком попросив дочь обождать, подошел к стойке, обнял жену за талию зашептал ей в самое ухо. Коктейль Эрин тем не менее в один присест проглотила и лишь затем повернула голову к мужу.

– Херня, – любезно отозвалась она, проспиртованно дохнув на Роберта. Остановила на нем жесткий взгляд. – Все – херня! Иногда… редко, но все ж таки иногда мне хочется раздолбать эту гребаную стену из кирпичей. – Эрин вырвалась из объятий мужа и на весь бар крикнула: – Руби, уходим!

Роберт успел подхватить ее под руку, вывел на улицу и не отпускал, пока они пытались поймать такси, что в час пик оказалось непросто. В конце концов повезло Руби, и все трое уселись в машину. Руби забралась последней – сжимая цветы, без единого слова, неотрывно глядя то ли на мать, то ли куда-то сквозь нее. Куда-то вдаль. Туда, где она предпочла бы оказаться прямо сейчас.

Глава III

Снег. До Рождества всего четыре дня. Может быть, я ношу Иисуса? Назову его Ноэлем. Я повернулась на бок – уж очень неприятно, когда ребенок давит на аорту. Кое-что из школьной биологии я помню. Аорта. Главная артерия, по которой от сердца в организм поступает кровь. А тему про самые важные явления жизни я, наверное, пропустила. Понятия не имею, если я это делаю, то, значит, мне хорошо дается размножение? Или я делаю это просто потому, что я плохая? Опять зашевелился. Задрав свитер, я разглядываю натянутую как на барабане, почти прозрачную кожу живота, которая то рябит, то вспучивается. Это малыш пинается. Я его обожаю.

Снег залепил окно. Темно снаружи. Теперь я стою: локти на подоконнике, нос прижат к стеклу, глаза ходят по кругу, провожая здоровенные снежные чипсы, опускающиеся на землю. Смотрю на них как загипнотизированная. Ребенка, видно, мутит – я слишком резко поднялась, – и он лягается пяткой. Больно.

Тук-тук в дверь. Два раза. Подожду полминутки, чтобы она точно ушла. Или он. Ага, он – сегодня ж пятница, а вечером по пятницам у нее бридж, так что ее нет. Открываю. За дверью на паласе – поднос. Опять котлета. Еще пюре и морковка. И соус набрызган, будто блюдо из-под мяса напоследок потрясли над моей едой.

– Наш ужин, Ноэль. – Я нарочно сказала вслух – имя на вкус попробовала.

Заношу поднос в комнату, мы садимся на кровать и кормимся. Задачка мудреная: на коленках-то поднос не умещается, пришлось на кровать поставить и тащить вилку ко рту. Хоть бы свитер не заляпать. Ну вот, заляпала. Соус – плюх прямо на Ноэля. Я вытерла, но пинок все равно получила.

В комнате я сижу три месяца. Ну почти три. Они сюда телевизор принесли, такие добрые. И книжек у меня много. Раз в неделю, чаще в пятницу, мать приходит с цветами и выпускает погулять в саду – если повезет и если я хорошо себя веду. Мать с отцом без понятия, что, когда их дома нет, я крадусь вниз и тибрю что-нибудь вкусненькое. На прошлой неделе стырила целую упаковку «Милк Трей» и всю слопала – одним глазом шоколадки пожирала, а другим за дверью следила,

как бы не застукали.

Открыть окно, вывалиться в сад и удрать? Можно, конечно, да только наверняка ведь Ноэля ушибу. И вообще – бежать-то мне некуда.

Еще две недели, и у меня будет ребенок. А что потом? После рождения Ноэля будущего у меня словно и нет вовсе. Словно мою жизнь дальше еще не написали. Какие они, новорожденные дети? Откуда мне знать – я их никогда в руках не держала. Мать книжку принесла про то, как рожать, и жалкую кучку детских одежек из лавки для нищих. Шмотки допотопные, воняют плесенью и чуточку рвотой.

В книжке говорится, что очень важно правильно дышать, так что я иногда тренируюсь. Целая глава написана про всякие лекарства от боли, но мне-то ничего такого не светит, спасибо, если аспирин дадут. Рожать придется дома. Мать будет доставать меня – лепить мокрое полотенце на лоб, а отец протрет подошвы, выхаживая по площадке за моей дверью, но сюда носа не сунет: упаси боже увидеть голую дочь, орущую благим матом и с ногами врозь. Как будто я хочу реветь белугой и ноги раскидывать. Но выбора-то у меня нет, верно?

Поднос я возвращаю за дверь и раскладываю подушки на кровати так, чтобы лечь поудобнее. Включаю телевизор, а Ноэль вдруг давай лягаться, вроде надумал прямо сейчас из меня выпрыгнуть.

– Что, зайка? Котлета паршивая?

Я как следует растираю живот. Ноэлю массаж понравился, и он притих. Мама из меня классная выйдет, хоть мне всего пятнадцать.

Глава IV

Хоберт упал на обитый пестрым ситцем диван, устало откинул голову на мягкую подушку и прикрыл ладонью глаза. Он успел сдержать стон, но воспоминание явилось незваным гостем.

– Я абсолютно уверена лишь в двух вещах, Роберт. В твоей паранойе и собственной непроходимой глупости. – Дженна споткнулась, кружа по комнате на подкашивающихся ногах, но ключи от машины все же нашла и хлопнула дверью.

Миг спустя ее авто с ревом умчалось в ночь.

Сейчас, в плену воспоминаний, Роберт издал страдальческий рык, исторгнув его из самых глубин души и сопроводив потоком ругательств в адрес жены. К счастью, ни рев его, ни брань, ни жена не имели ничего общего с явью.

– Это шутка? Ты водишь меня за нос, точно? – Роберт был поражен своим ровным тоном. Умение сохранять спокойствие – привилегия его профессии. Прежде чем снова откинуть голову на спинку дивана, он долго, недоверчиво вглядывался в лицо Эрин. Она определенно не шутила.

– Это форменное бегство от проблем. А мы не должны учить Руби такому. – Эрин судорожно сглотнула.

Роберт встал и медленно выпрямился во весь свой немаленький рост. Он все еще был в расстегнутом халате поверх одних лишь трусов-боксеров. Волосы – очень темные и густые, обычно уложенные так, чтобы никто не заподозрил руку стилиста, – спереди торчали хохолком, а сзади накрывали воротник халата.

Он с силой тер лицо ладонями, безжалостно растягивая кожу вокруг глаз, массируя виски. Последние несколько дней нормально выспаться не удавалось – в основном из-за дела Боуменов. Не так-то просто отобрать двоих малышей у матери – сердце разрывается.

– Девочка завтра собралась в колледж! Дьявольщина! Что ты себе думаешь, Эрин?!

Роберт опустил взгляд на светловолосую голову жены. Одна его половина с наслаждением прошлась бы пальцами по золотистым прядям, зато другая с не меньшим наслаждением закрыла на замок эту упертую женщину в чулане вплоть до выпускного бала Руби в Грейвуд-колледже.

– Черт побери, я уже оплатил остаток семестра, и форму ребенку купили! – Роберт описывал петли вокруг кресла Эрин, и зловещая размеренность его поступи наводила страх сильнее любых слов.

Жена огорошила его своим заявлением в шесть утра. Роберт даже решил, что видит сон, когда теплые губы Эрин прошлись по его щеке и выдохнули в ухо слова, которые убьют их дочь. Если она их услышит.

– Руби не будет учиться в Грейвуде, – прошептала тогда Эрин. – Я запрещаю.

Дурной сон, только и всего. Роберт блаженно зарылся в подушку, однако двумя часами позже те же слова явственно зазвучали у него в голове. И он точно знал, что слышит их наяву. Глаза его были открыты. Эрин придвинулась к нему, футболка, в которой она спала, поползла вверх, оголяя бедра.

– Я не позволю ей спасаться от проблем бегством.

– Ну, выбор-то у нас невелик. Собственно, иного я просто не вижу. – Роберт лениво потянулся. Еще полусонный, он все же был уверен, что запросто переубедит жену.

– Одним словом, все решено. Руби я сообщу позже. – И Эрин отвернулась, лишив Роберта шанса прочитать ее взгляд под приспущенными тяжелыми веками.

Уговоры Роберта оказались напрасны – как и требование назвать веские причины подобной смены курса. Нельзя бежать от проблем, твердила Эрин, и кроме этого шаткого морального резона Роберт ничего не добился.

Вскоре после их знакомства полгода назад Роберт понял, что Руби в школе очень плохо. Девочка по-настоящему страдала. Началось все, как это бывает, невинно, однако недобрые клички, издевки, подножки быстро сменились звонками с угрозами и воровством вещей Руби. Жалобы директрисе пользы не приносили – администрация школы списывала все на чрезмерную обидчивость Руби, к которой из-за очевидного музыкального таланта прочно приклеился ярлык ребенка со странностями. Если же с обидчиками и начинали разбираться, то расследование быстренько сворачивалось, поскольку называть конкретные имена Руби упорно не желала.

Роберт прошел на кухню, налил чашку крепкого кофе и поднес к губам, наблюдая за женой в открытую дверь. Хрупкая, с безвольно повисшими руками, она была похожа на одинокую жертву кораблекрушения, выброшенную на необитаемый остров. Медленно подняв голову, Эрин встретила взгляд мужа. Губы ее приоткрылись – и вновь сомкнулись, плечи уныло поникли, и она с рыданием упала на ковер.

Роберт никогда не хотел ее сильнее, чем в эту секунду. Шагнув обратно в гостиную, он поставил чашку на журнальный столик и обнял узкие плечи жены. Затем приподнял ее и донес-дотащил до дивана. Откинул волосы с искаженного болью лица.

– Я не позволю тебе так поступить. Пусть удирает от проблем, если иначе не выходит. Окажись ты на ее месте – разве не побежала бы?

За то, что она собралась сотворить с дочерью, Роберт врезал бы ей хорошенько. И вместе с тем ему неудержимо хотелось притянуть ее к себе, высушить слезы и добиться улыбки, унести обратно в постель и покрыть поцелуями.

Он не сделал ни того, ни другого.

– Я – побежала бы. Именно поэтому и не позволю удирать своей дочери. – Эрин оттянула рукав мешковатой футболки и вытерла мокрые щеки. – Выгоды это в конечном счете не приносит. Уж поверь мне, я точно знаю.

Роберт решил было, что она намекает на личный опыт, – но если бы над Эрин тоже издевались в школе, она не настаивала бы на повторении той же пытки для собственной дочери, верно? Он терялся в догадках.

– Не говори пока Руби. Подумай как следует – и ты изменишь свое решение.

– Не изменю. – Эрин поднялась с дивана. – В Грейвуд-колледж моя дочь не перейдет. И точка.

На несколько кратких секунд Эрин замерла, словно колеблясь и рассчитывая, что муж ее переубедит. А Роберт вдруг понял, что не узнает жену. Спиной к нему, неловко и неподвижно, чуть расставив ноги, стояла хрупкая женщина в

поношенной длинной футболке. Разве на ней он женился полтора месяца назад? Да его просто одурачили. Игнорируя выжидающую позу жены, Роберт пошел в спальню одеваться.

Такие мячи не берутся. Он просвистел пулей, задев очки Дэна. Тот уронил ракетку, схватился за переносицу и прищурился, рассматривая стекла.

– Да сними ты их к чертям! – рявкнул Роберт.

Очередная подача, мяч мощно отрикошетил, Роберт размахнулся и промазал. Достал из кармана другой мячик и повторил тот же финт. Затем еще. И еще, и еще, пока не иссяк запас сил – и мячей в карманах. Дэн ретировался на край корта и, протирая стекла очков, ломал голову над загадочным поведением партнера и друга.

– Рабочую злость выплескиваешь? – поинтересовался он, дождавшись прекращения огня. – Или жена ночью продинамила? В любом случае заявляю официально: если будешь продолжать в том же духе – я пас.

Роберт стянул тенниску и вытер лоснящиеся от пота лицо и шею. Стрельба мячами не сняла тяжесть с души. Он мысленно послал себя по известному адресу за то, что последние три четверти часа потратил впустую, на игру с самим собой, словно Дэна на корте и не было. Дружеские матчи по пятницам, под конец рабочей недели, вошли у них в традицию, и Роберт дорожил ими.

– Я возьму нам по пиву, и ты все расскажешь. – Дэн собрал свои вещи, открыл дверь и придержал ее для Роберта, на ходу надевающего тенниску. – Если, конечно, ты не представляешь опасности для общества, в частности, для меня.

В раздевалке Роберт не произнес ни слова. Молча швырнул вещи на скамью и встал под обжигающий душ с ничего не выражающим лицом и немигающим взглядом, устремленным в никуда. Он знал, что Дэн следит за ним, пытаясь понять причину его настроя, – и все же не мог заставить себя поделиться с другом. Рассказать о том, что выкинула Эрин, значило обратить ее немыслимое решение в реальность, вынести которую у Роберта не было сил.

Он ушел из дома, так и не увидев Руби. Схватил спортивную сумку, ключи – и смотался на утренний пятничный матч с Дэном задолго до нужного часа. Машину вел безобразно, едва не сбил каких-то бегунов, проскочил перекресток на красный, в итоге тормознул на автобусной остановке, прокручивая в голове несусветное решение жены, пока не подошло время ехать в клуб.

Под урчание мотора и радиобормотание Роберт думал о дочери. Представлял ее юное лицо, розовое, чуть припухшее со сна, ее фигурку в цветастой, поблекшей от многочисленных стирок ночной рубашке. Руби босиком прошлепает в кухню, глотнет сок прямо из пакета, смешает в тарелке шоколадные хлопья с молоком и позавтракает перед телевизором, забравшись в кресло с ногами. Тяжелые черные волосы наверняка выбьются из резинки, которой она стягивает их на ночь, а вокруг глаз, должно быть, расплывутся темные круги: юная мисс экспериментирует с макияжем, а смыть краску перед сном ей недосуг. Привычно прыгая по каналам, она вспомнит, что ждет ее завтра, – и вспыхнет улыбкой, впервые за школьные годы согретая уверенностью в будущем.

А потом мама объявит, что Грейвуда ей не видать и завтра она возвращается в свою школу – ту самую школу, где она вынесла столько издевательств. Руби замрет, не донеся ложку до рта. Ухмыльнется, наверное: «Классная шутка, мам!» И тут заметит серьезный взгляд матери, сумрачную морщинку, перерезавшую ее лоб. Заметит – и похолодеет от страха: неужели не шутит? Эрин повторит свою новость, и Руби, отставив тарелку, поднимется и шагнет к ней. «Мам?» – выдохнет она тоненьким, чужим голосом. Фыркнет недоверчиво, с вызовом. Вот тут и начнется… Визг, слезы, истерика.

– Руби не пойдет в Грейвуд! – гаркнул Роберт, перекрикивая шум льющейся воды. Он еще был весь в мыльной пене, когда Дэн отдернул полиэтиленовую занавеску кабинки.

– Что ты сказал? – Дэн тряс головой, пытаясь избавиться от воды в ухе.

Роберт смыл пену и обернулся полотенцем.

– С Грейвудом покончено. – Он с трудом растянул губы в фальшивой улыбке.

Одевались молча – Дэн слишком хорошо знал своего друга, чтобы ждать подробностей до первой кружки. Спустя десять минут они уселись за столик в

баре клуба.

– Руби струсила?

Дэн покрутил головой, махнул одному приятелю, кивнул другому. В этом весь Дэн: всецело завладеть его вниманием редко кому удается. А Роберту до смерти нужно выговориться. Поговорить с кем-нибудь, кто выслушает.

– Напротив. Мы решили, что убегать от проблем – форменная трусость. Мы намерены в очередной раз встретиться со школьным начальством. Поглядим, не удастся ли заехать кому-нибудь под зад коленкой. – Роберт выдул полпинты в три глотка.

– Тебе?! Не надейся. – Дэн прочесывал бар взглядом. Округлил глаза: мимо проплыли две прехорошенькие барышни в юбках на уровне его носа. – Видал? М-м-м. Роскошь. А Эрин – запросто. Врежет под зад и бровью не поведет.

Роберт мазнул ладонью по лицу. Быстро, но Дэн жест уловил. И встрепенулся:

– Хочешь сказать, это Эрин решила не отправлять Руби в Грейвуд? – Догадка не стоила Дэну особого труда. За годы дружбы, с поступления в юридический, он научился понимать Роберта без слов. – Что за бред? Чего она боится? За колледж-то бешеные бабки ты выкладываешь!

Роберт вздохнул: без продолжения никак.

– Мы вовсе не уверены в пользе платного обучения. Нам бы не хотелось, чтобы ребенок чувствовал свою избранность. Не дай бог, понимаешь ли, возомнит себя выше других. – Он хлопнул в ладоши, словно точку поставил. И осушил кружку. – Повторим?

Предложение опоздало: Дэн уже поднялся. Взял со стола обе кружки и направился к бармену.

А с другой стороны, подумал вдруг Роберт, как бы дело повернулось, если бы Руби сплоховала на тестах в Грейвуд-колледж?

При желании он мог просидеть с Дэном в баре до вечера – подогревшись полудюжиной пенистых пинт, выложить другу все свои путаные мысли, поболтать о былых временах, о временах нынешних, обсудить юридически заковыристые дела… Роберт подавил пивную отрыжку и откинулся на спинку обитого кожей кресла. Его грызло чувство вины. Он жаждал быть рядом с Руби, когда Эрин выложит ей свое решение, но знал, что проторчит в баре с Дэном как можно дольше, чтобы явиться домой после скандала. Таков, он вынужден был признать, его собственный трусливый метод воспитания. Зато когда Эрин испортит все что можно, он начнет выправлять положение. Возьмет, к примеру, Руби к себе в контору, пусть день-другой передохнет, оклемается от шока. Учителя в офис вызвать – тоже не проблема. Тане, между прочим, не помешает помощь с бумагами, а Руби – несколько лишних фунтов на карманные расходы. И главное, Эрин совершенно необязательно ставить в известность. О том, чтобы Руби вернулась в ту скотскую школу, и речи быть не может. Исключено. Появился Дэн со свежим пивом.

– Ну а как там наш приятель Фред Боумен?

Ухмылка засияла поверх пены в кружках, и ровный загар лица – из солярия – пошел тонкими морщинками. Тёмные, с проблесками серебра волосы, тронутые рукой виртуоза-стилиста, вкупе с безупречным вкусом Дэна в одежде довели его убийственный для женщин облик до идеала. Успешный бизнесмен, столь же успешный и потому неисправимый ходок, Дэн был всегда открыт для дамских посулов и щедр на ответные.

– Не сдается, – ответил Роберт. – И не виляй. Смена темы не пройдет. – Он не собирался обсуждать дело Боуменов. Сейчас ему не под силу сотрясать чужие жизни.

Ухватив меню, Дэн пробежал глазами список сэндвичей:

– Как насчет перекусить?

– Зависит… Конец недели как-никак. Сотрудникам ручкой на прощание помашем?

Напряжение чуть отпустило Роберта. Общаться с Дэном – все равно что в бомбоубежище сидеть: полная безопасность, только воздуха маловато. К тому

же, будучи главой фирмы «Мейсон и Найт», он не позволял себе расслабляться – ни в офисе, ни вне его стен.

Дэн взглянул на часы.

– Честно? Я бы это дело пропустил. Тьюла опять бабье собирает.

Роберт скорчил гримасу. Тьюла Мейсон и ее девочки… сорок с лишним женщин, отчаянно бьющихся за физическое совершенство. Однажды он совершил катастрофическую ошибку, внедрившись в шабаш Тьюлы об руку с Эрин – куда моложе товарок Тьюлы и потому не нуждавшейся в ухищрениях, которыми эта сходка радостно делилась. Напитки и канапе еще не были поданы, а Роберт уже был сыт по горло разговорами о ботоксе и коллагене. Он ухмылялся, оставляя Эрин в когтях Тьюлы, и, чего греха таить, таял от восторга. В свои тридцать два его жена выглядела сногсшибательно, никто не дал бы ей больше двадцати пяти.

– Отлично. Значит, надеремся, – с ухмылкой констатировал Роберт.

Пока они сидели в клубе, небо затянулось тучами, посерело и пролилось знобящим дождем. Июнь стоял на редкость сухой и теплый – и вдруг погода, словно отражая настроение Роберта, разродилась унылым, мутно-молочным киселем.

Поймав такси, Дэн и Роберт молча следили за кривыми дождевыми дорожками, черкавшими стекла. Все, что нужно, было сказано. Роберта высадили первым. Он ступил на тротуар и пошатнулся, слегка на взводе от выпитого. Нетвердыми шагами преодолел залитые водой ступеньки крыльца. Собственный транспорт он оставил у клуба, сунув портье двадцатку и ключи. С утра машина будет у порога – привилегия члена привилегированного клуба, привилегия партнера привилегированной фирмы Дениса Мейсона. Роберт задержался в прихожей своего дома. Выстроенный в викторианском стиле особняк снаружи еще поражал воображение, но внутри уже мечтал о ремонте. Еще полгода назад, до переезда сюда Эрин и Руби, Роберт не слишком заботился об интерьере. Однако с течением времени дом превращался в семейный очаг, то есть именно в то, что Роберт мечтал обрести – помимо карьеры. Воспоминание о Дженне неожиданно захлестнуло его. Он увидел ее стоящей на площадке лестницы – в тюрбане из белого полотенца, хвост которого полоскался на спине, с розовыми от душа

щеками, улыбкой приветствующей возвращение мужа домой. Живая Дженна. Они вместе – и счастливы. А потом она исчезла, оставив после себя колючий ком боли, который Роберту пришлось запереть глубоко внутри. Дженне нет места в его новой жизни. Так почему она упорно встает перед глазами?

Роберт уронил сумку на пол и тряхнул головой, прогоняя образ первой жены. Ну не идиот? Дженна здесь никогда не жила, и никакого права на этот дом у нее нет.

Вот тогда-то он и уловил этот звук, то ли глухой бубнеж, то ли вой на одной очень низкой ноте – стон раненого зверя. Едва слышимый, звук, однако, затопил весь дом, так что определить его источник было непросто. Роберт прошел сначала в кухню, где грязная посуда громоздилась на всех горизонтальных поверхностях, а посредине стояла корзина с выстиранным бельем, отдающим ароматом свежести. Нашлось и объяснение странному звуку: включенное радио монотонно бубнило. Роберт повернул ручку до щелчка. Радио смолкло. Вой продолжался.

– Эрин! – позвал Роберт.

Ничего. Он налил себе воды и вышел из кухни. Гостиная была пуста. Быть может, подумал Роберт, озноб от сырой одежды или пиво натощак, сразу после физической нагрузки, виновны в том, что ему не по себе и чудится бог весть что.

Он решил переодеться и поднялся по лестнице. Наверху вой усилился, пробрав до мозга костей. Звук шел из комнаты Руби. Стукнув раз и не дожидаясь ответа, Роберт открыл дверь.

И попал в полный мрак. Шторы были задернуты, свет выключен. Лишь когда глаза привыкли к темноте, Роберт увидел дрожащую в углу дочь. Абсолютно голая, она подвывала монотонно, сипло, и от безумного напева духота комнаты искрила. Наготу Руби прикрывали лишь волосы, влажно струившиеся по плечам и груди. Ее била крупная дрожь – будто животные звуки, беспрерывно срываясь с губ, отдавались в каждой клеточке тела. Появления Роберта она не заметила.

– Руби? – Он сделал несколько шагов, чувствуя себя неловко из-за ее наготы. – Руби, пожалуйста, не надо. – Роберт уже протянул к ней руки, но тут же отдернул и снял с крючка на двери халат: – Вот, возьми.

Никакой реакции. Только неумолчный вой, мотив тоски и отчаяния.

Роберт набросил халат на плечи девочки, но тот сразу сполз. Наклонившись, чтобы поднять халат, он заметил мурашки на бледной коже, и ему почудился странный сладковатый запах, с примесью металлической нотки. А потом он увидел кровь. По рукам, груди и спине Руби текли струи густых черных волос, а по внутренней стороне бедер такими же темными ручьями текла кровь.

– Руби, да ты вся в крови!

Он опустился перед ней на корточки и заглянул в лицо. Взгляд Руби был так неподвижен, что глаза казались стеклянными шариками, и в каждом – по громадному зрачку размером со всю радужку. Отбросив неловкость, не думая о том, что она совершенно голая, Роберт подхватил девочку на руки и уложил в постель. По-прежнему недвижимая, она продолжала тянуть свой напев, устремив взгляд сквозь потолок. Куда-то вдаль. Туда, где она всегда мечтала оказаться.

Глава V

Весь вечер Роберт просидел с ноутбуком на коленях и открытой папкой с документами по очередному делу. Пытался работать, но не мог думать ни о чем, кроме горя своей несчастной девочки, – и о той, конечно, кто нес ответственность за ее страдания. Об Эрин.

Свет от включенного без звука телевизора бликами плясал на стенах, меняя рисунок со сменой картинок на экране. Роберт смотрел и ждал. Смотрел на стены гостиной, цвета увядшей магнолии, время от времени бросая взгляд на душераздирающие, не иначе как написанные кровью, письма жены своего клиента. Ждал – и терпение его ежеминутно убывало – возвращения Эрин.

Ее мобильник отсылал к голосовой почте. Ни у одной из подруг Эрин не было, а если она отправилась в свой магазин, то на звонки не отвечала. Руби, даже когда к ней вернулась способность связно говорить, не смогла ответить на вопрос, где мать.

После долгих дождливых часов небо выдохлось и повисло над городом изнемогшее, пепельно-серое. Жуткая, хоть и тихая истерика Руби тоже сошла на нет, и девочка пришла в себя, точнее, впала в состояние, которое с натяжкой можно было назвать нормальным. Роберт не отходил от нее целую вечность – массировал горестно поникшие плечи, укутывал и согревал, держал у губ чашку с горячим сладким чаем. Он не спрашивал, что случилось. Он знал.

Лишь убедившись, что падчерица уснула, Роберт вернулся в гостиную. Сейчас он со вздохом вытянул ноги на диване. Здорово устал – от бешеной схватки с самим собой в клубе, от возлияний, более долгих и обильных, чем обычно, от жестокого решения Эрин. Но более всего – от чувства вины. Он был обязан поддержать Руби. Сбросив туфли, Роберт натянул меховой плед на непривычно уставшее тело. Здоровый и сильный мужчина, он гордился своей отличной формой и способностью с легкостью переносить напряженные матчи в клубе и длительные тренировки в бассейне. Своих сорока без малого он не ощущал, а в спальне, раздеваясь по вечерам, с удовольствием ловил на себе одобрительный взгляд Эрин. Но сегодня, с утра ошарашенный необъяснимым поведением жены, Роберт почувствовал себя на добрый десяток лет старше. В который раз за день он представил себе лицо Руби в тот миг, когда Эрин сообщила ей, что перехода в Грейвуд-колледж не будет. Он оказался не готов к тому состоянию, в котором обнаружил Руби. Роберт любил падчерицу не меньше, чем ее мать, – временами даже сильнее. Сейчас – сильнее. Выступать в роли отца, не будучи им в действительности, – с более сложной задачей он в жизни не сталкивался. Если бы Руби была ему родной, он давным-давно остановил бы это безобразие. Эрин не получила бы даже малейшего шанса исковеркать судьбу дочери. Удастся ли ему хоть когда-нибудь ощутить себя настоящим отцом?

Должно быть, Роберт задремал, однако стоило щелкнуть замку входной двери, как он вздрогнул, сел и взъерошил волосы, собираясь с мыслями. Эрин остановилась в коридоре, на полпути к гостиной, но Роберт видел, несмотря на сумрак, что она промокла до нитки. Она подняла руку, чтобы включить свет, другая была занята букетом; Эрин держала цветы за длинные стебли, и яркие влажные головки едва не касались пола.

– Для Руби, – бесцветным голосом произнесла она, переворачивая букет, с которого посыпались дождевые капли.

– Отлично. Этим мы, конечно, все исправим. – Роберт резко поднялся, прошел в кухню и шваркнул крышкой от чайника по рабочему столу. – Чашечку кофе? Полагаю, этим мы тоже все исправим?

Эрин прошла вслед за ним. Роберт вдохнул аромат дождя и летних цветов и услышал из-за спины:

– Я ей не сказала.

Роберт, с банкой кофе в руке, медленно развернулся и уставился на жену. Ее пшеничные волосы, намокнув, приобрели оттенок старинной меди, под глазами растеклись полукружья туши. Веки припухли – она плакала. Роберт сыпанул по ложке гранулированного кофе в чашки и залил едва теплой водой.

– Я ей не сказала… – повторила Эрин. – Она уже знала.

Роберт опустился за кухонный стол напротив Эрин. Она сидела, по-детски зацепив ножки стула носками туфель, подбородком упираясь в сложенные ладони. Роберт отметил непроизвольную дрожь ее рук, которую она пыталась усмирить. Надежда, вспыхнувшая было в нем, тут же угасла.

– Руби слышала наш утренний разговор. – Эрин со вздохом колупнула щербинку на чашке. – Нелегко ей сегодня пришлось.

Роберт фыркнул, качая головой:

– А ты вообще-то в курсе, что у нее сегодня первые месячные?

Эрин спрятала лицо в ладонях.

– И меня не было рядом…

Роберт мог бы и сам подписаться под этими словами, но предпочел сохранить полученный козырь. Кроме того, он нутром чувствовал, что Эрин необходимо высказаться, сбросить с души неведомую ему, но гнетущую тяжесть. Правда, он не привык безоговорочно доверять интуиции – как-никак юрист обязан выуживать истину из конкретных фактов.

Эрин – его жена, его половина. В апреле, стоя перед алтарем, они поклялись доверять друг другу и ничего друг от друга не скрывать. Перед ним все та же умница Эрин, работяга Эрин, трезвая и рассудительная Эрин. Так почему она настаивает на том, что правильнее всего искалечить своему ребенку жизнь? Для Руби нет ничего важнее музыки, а значит, ей место в Грейвуд-колледже, где она к тому же избавится от малолетних садистов из прежней школы. Пианино – столь же неотъемлемая часть этой девочки, как волосы цвета воронова крыла или приподнятые уголки больших глаз. В Грейвуде дар Руби расцвел бы, как роскошный бутон в оранжерее. И что же делает ее мать? Одним махом перечеркивает будущее дочери. А Роберт терпеть не мог, когда талант пропадал втуне.

Эрин снова вздохнула, плечи ее поникли.

– Как только ты уехал, она пришла ко мне и сказала: «Я знаю, что ты не позволишь мне перейти в Грейвуд». И все. Я хотела объяснить, но она вроде как и не переживала. Даже вызвалась сходить за продуктами. Я и не догадывалась, что у нее начались месячные… – Эрин виновато всхлипнула.

Что бы там ни было дальше, с этого дня для их дочери начался новый этап жизни. Роберт едва сдерживал себя, наблюдая за женой, а та принялась наводить порядок на кухне, словно разговор о Руби был окончен, словно аккуратно сложенное белье важнее счастья девочки. Казалось, она твердо решила, что ее приговор обжалованию не подлежит. Что-то бесповоротное было в том, как она расправляла и складывала полотенца и с неуместной педантичностью разбирала носки по парам. Каждое ее размеренное движение было как издевка над драмой, которую переживала сейчас ее дочь.

В половине второго ночи Роберт отправил жену в постель, принял душ и, заглянув к Руби, убедился, что она крепко спит. Свернувшись калачиком, прижимая к себе потрепанного зайца, девочка тихонько присвистывала, точно аккомпанируя своим снам. Ему хотелось прокрасться в ее мысли, развеять ночные кошмары и помочь воплотить в жизнь самые заветные мечты. Послав дочери воздушный поцелуй, Роберт вернулся в спальню и мгновенно уснул. Утро наступило слишком быстро, расписав небо на востоке розово-апельсиновыми мазками. Утро понедельника. От этой мысли у Роберта защемило сердце.

– Обещай, что сегодня не отправишь ее в школу. – Роберт провел ладонью по лицу. Умолять – не в его правилах. Надо действовать иначе. Он повернулся лицом к Эрин: – Пусть у меня в офисе побудет.

Как ни странно, Эрин кивнула:

– Хорошо. А я позвоню в Грейвуд, объясню ситуацию.

– Не беспокойся, я сам позвоню, из конторы.

Настаивать не пришлось: Эрин была только рада избавиться от необходимости врать директрисе про внезапные «семейные обстоятельства». Роберт не спешил подниматься с постели. Глядя в потолок, он пытался постичь, не проклюнулись ли в нем первые ростки отцовского чувства? Не так ли должен ощущать себя настоящий отец, имеющий право голоса в воспитании ребенка? А затем, остановив взгляд на Эрин, уже набросившей кремовый атласный халат, он задался другим вопросом: не проклюнулись ли в нем первые ростки сомнения в правильности выбора?

Полчаса спустя в кухне к Роберту и Эрин присоединилась Руби – в форме своей прежней школы и с солнечной улыбкой на лице, чего они уж никак не ожидали. Она подвела глаза, накрасила ресницы и тронула губы блеском, а волосы собрала в «конский хвост», стянув его легкой голубой косынкой.

– Привет! – Руби бросила набитую учебниками сумку на пол и, распахнув холодильник, достала пакет с соком и яйца. – Помираю с голоду! – объявила она весело. – Кстати, подбрасывать до школы меня сегодня не нужно, я как раз успеваю на автобус.

Роберту показалось, что он уловил фальшь в ее улыбке. Почудилось – или ее голос дрогнул, выдавая страх, а под накрашенными ресницами блеснула слеза? Он шагнул к ней, ничего не желая сильнее, чем обнять и защитить от любой угрозы, что таил для нее этот день.

Нырнув вбок, Руби избежала его рук. Достала с полки сковородку, бутылку масла и одно за другим разбила три яйца, не заботясь, что держит их слишком высоко и брызги летят во все стороны. Роберт фыркнул, пытаясь сохранить лицо, пытаясь пересилить смехотворное ощущение, что его отвергла девчонка-

подросток. Глядя, как Руби швыряет скорлупу в мусорное ведро, Роберт спрашивал себя, не ошибся ли он. Быть может, девочка действительно хочет вернуться в школу? Быть может, Эрин права и бегство лишь создаст в будущем еще большие проблемы? Ему-то откуда знать? Детей у него прежде не было, а собственный опыт подсказывал, что за схватку со страхами наградой были сила и способность побеждать, которую он больше всего ценил.

Роберт отвернулся к окну и оперся о подоконник. Вздохнул, устремив невидящий взгляд на яркую зелень сада. Он хотел выиграть время, чтобы подумать о Руби и прикинуть, как заставить Эрин изменить ее решение, а мысли то и дело возвращались к Дженне, словно намагниченные. Воспоминание, невесомое, как шифоновый шарфик, зацепившийся за ветку, никак не отпускало. Роберт буквально воочию видел Дженну в саду, под куполом плакучей ивы: волосы подхватывает ветерок, на лице улыбка шириной с горизонт, рука приподняла длинные гибкие ветви. «Чего ты хочешь?» Вопрос звенел в нем снова и снова, пока он наблюдал, как Дженна, нагнувшись, выдергивает стебелек сорняка. «Ты здесь не живешь!» – беззвучно выкрикнул он.

Он ненавидел Дженну – за то, что так с ним поступает; еще больше ненавидел себя – за то, что позволяет ей. Его скорбь понятна, но, видно, скорбит он как-то не так. И желание примириться с потерей, тоже вполне естественное, видно, выходит ему боком.

На кухне продолжалась обычная утренняя суета – словно ничего и не случилось. Кипел чайник, Роберт листал свежую газету, на коврик у входной двери с шелестом приземлилась почта. Руби готовила завтрак, чертыхаясь себе под нос, потому что раздавила желток, а Эрин не произнесла ни слова. Стояла недвижно, словно пойманная врасплох вспышкой камеры – рот приоткрыт, веки чуть опущены, – и смотрела, как дочь жадно уписывает яичницу. Роберт мог бы поклясться, что физически ощущает вину, затопившую Эрин. «Ну же! – мысленно подтолкнул он жену. – Сейчас ты можешь все исправить!» Но Эрин упустила момент, сохранив молчание.

Роберт подавил стон.

– Я в душ – и на работу. Дел по горло, – буркнул он и ринулся наверх, перескакивая через две ступеньки.

Он не успел еще преодолеть лестницу, когда перед его глазами вспыхнул образ – мимолетный, но такой силы, что Роберт споткнулся о верхнюю ступеньку и ухватился за перила. Мало ему воспоминаний о первой жене, благодаря которым он сам не свой, – окончательно разрушить его профессионально хладнокровный имидж грозили мысли о слезах двоих ребятишек, лишившихся матери. Дело Боуменов разрывало его сердце.

Роберт барабанил пальцами по рулю – машина ползла в плотном потоке часа пик. Рядом сидела Руби – очень чинно и собранно.

– Мама будет в ярости, – сказал Роберт, но одобрительный взгляд, искоса посланный дочерью, ее сияющие лукавым восторгом глаза убеждали, что он поступил правильно.

Руби чуть заметно кивнула; легкая усмешка приподняла уголок губ.

Подскочив сегодня спозаранку, Руби горела решимостью вернуться, как того требовала мать, в прежнюю школу, причем настаивала, что доберется туда на школьном автобусе, тем самым обеспечивая себе двадцатиминутный кошмар издевок – перед долгим и тоскливым днем в классах, где неопытные учителя безуспешно пытаются усмирить буйный молодняк. Роберту пришлось включить красноречие на полную силу, чтобы она согласилась доехать до школы с ним, однако предварительно Руби взяла с него обещание остановить машину за углом. Выйти у порога школы из новенького «мерса» с откидным верхом значило нарваться на пинок при первом же появлении в туалете.

Представив, как на его девочку налетает рычащая свора неуправляемых юнцов, Роберт отбросил все сомнения и сложил в багажник машины форму, спортивный костюм и охапку всяческих мелочей, которые, как ему подсказывала интуиция, могли пригодиться девушке в первый день учебы в новой школе.

Роберт вжал в пол педаль тормоза.

– Господи! – вырвалось у него. – Чуть не врезался.

– Не стоит устраивать аварию, чтобы помешать мне добраться до Грейвуда. Мама говорит, нельзя все время бегать от проблем. – Руби подмигнула.

Какое счастье, подумал Роберт, что этому ребенку не изменило чувство юмора.

– Но ты ведь с ней не согласна, не так ли? – Роберт погладил дочь по плечу. Ему так хотелось, чтобы она верила ему и не сомневалась в правильности его поступка. Пробка на дороге начала рассасываться. – Когда она узнает, что мы сделали, всю вину я возьму на себя.

Руби нервно сглотнула.

– Угу. Но имей в виду – она точно взбесится. Уж если мама сказала «нет», – значит, «нет», и точка. Даже если она не права.

То-то и оно, мысленно подтвердил Роберт. А в данном случае Эрин кардинально не права.

Он свернул на заправку.

– Беги, переодевайся. В первый день опаздывать не годится.

Они обменялись ухмылками. Отец и дочь… Во всяком случае, на один шажок ближе к тому, чтобы ими стать.

Роберт донес до женского туалета сумку с формой Грейвуд-колледжа. В ожидании Руби он залил полный бак и купил фонарь, поскольку здесь их продавали с большой скидкой. Прошелся вдоль ряда уродливых корзин с безобразно дорогими, хотя и престарелыми хризантемами. Магазинчик Эрин был настоящим храмом свежих и редких цветов, роскошных букетов. Подобной безвкусицы Эрин у себя не потерпела бы. Роберт задумчиво тронул пальцем подсохшие тонкие лепестки, как раз когда из туалета появилась Руби – сияющая и вся такая новенькая, как только что выпущенная монетка.

– Иди сюда, – окликнул ее Роберт и рассмеялся. – На воротничке-то ценник болтается! – Он оторвал этикетку с серо-зеленого пиджачка и смахнул с плеча Руби нитку. – Фантастика, черт побери! – оценил Роберт и зыркнул на

продавщицу, что пялилась на них круглыми глазами, не переставая перекатывать между зубов жвачку.

– Пап! – хихикнула Руби. – Не чертыхайся!

На душе у Роберта потеплело, как всегда, когда Руби называла его «папой». Обычно она обходилась именем, но сегодня он заслужил награду за толику внимания. Если бы тем же поступком он достучался и до жены…

Роберт довез дочь до колледжа и сказал, прежде чем высадить у входа внушительного здания:

– У меня большой сюрприз для вас с мамой. Держу пари, вечером я увижу улыбки на ваших лицах.

– Па-ап! – счастливо протянула Руби, выскочила из «мерседеса» и взбежала по ступеням.

Роберт смотрел ей вслед, вцепившись в колено, горло ему сдавил спазм. Как же сообщить жене, что он посмел ее ослушаться?

А ему еще надо и сюрприз придумать.

Глава VI

Странно, конечно, только я не знаю, как забеременела. Честно-честно. Само собой, я в курсе, что должно произойти, если хочешь ребенка, но не стану сочинять байки о том, как парень засунул в меня эту свою штуку. Мать думает на Джимми – одного дурачка, который живет в конце нашей улицы. А отец объявил виноватыми всех мальчишек из моей школы и еще через газету проклял всех ребят в округе. Когда моя школьная юбка не сошлась на талии, а живот стал сильно выпирать, я испугалась, что превращаюсь в кубышку. Мать все зудела, что я пухну на глазах и что обжорство – большой грех, а потом записала меня к доктору Бригсону чтоб дал мне какие-нибудь таблетки для похудения. Я потащилась с ней, хотя уже догадывалась. Решила, что им не удастся из меня

ничего вытянуть. Доктор Бригсон заставил лечь на кушетку – между прочим, даже не сменил бумажную пеленку, всю мятую и мокрую от того, кто там до меня был, – задрал мой свитер и воткнул пальцы мне в живот, да так глубоко, что я чуть не заорала. Слава богу, прикусила язык – от страха, что шум на всю больницу поднимут. Он бы меня, наверное, поколотил. Ну, он позадавал мне разные вопросы, а я молчала. Тогда он выставил меня из своей вонючей дыры и нашептал матери, что у меня будет ребеночек. Только мы домой вернулись, как она мне прямо на пороге оплеуху отвесила. А отец целый месяц на меня даже не глядел.

Вот и сочельник наступил. А снег весь стаял. На улице за моим окном тусуются ребята из школы. Я их вижу: лица веселые и капельку оранжевые от моргающих уличных гирлянд. Как положено в канун Рождества, они бегают от дома к дому, распевая гимны и позвякивая монетами в коробке. И в животе у каждого наверняка сладко екает – завтра же праздник! У меня в животе тоже ералаш, но совсем не из-за Рождества.

Наш дом – следующий на очереди, но они к нам не зайдут. Не посмеют позвонить в дом Вайстрахов. Зато послоняться под окнами – это они с радостью. Надеются меня хоть одним глазком увидеть. Глянуть на беременную девчонку. Ту, из-за которой на Биггин-энд-Хай разгорелся скандал десятилетия. Победительницу конкурса «Шлюха года».

Я задергиваю шторы – отгораживаюсь от зевак вместе с их веселым Рождеством – и ложусь спать, чтобы скоротать время.

Порой мне снится, как все это случилось, и тогда я просыпаюсь вся мокрая от холодного пота. Хорошо, если под кроватью припрятана какая-нибудь вкуснятина, которую я таскаю из кухни, – леденцы там или сахарная пудра. Успокоиться куда проще, если сунуть палец в сладкий порошок и облизать. После этого я вижу клевые сны, вроде пасхального шествия в школе: плакаты первоклашек, забавные шапочки, цыплята из папиросной бумаги, кособокие шоколадные яйца с уроков домоводства. Вся школа гудит радостью весны, новой жизни.

Это могло случиться именно тогда. Меня поставили торговать «яйцами счастья»: на картонный поднос, устеленный соломкой, уложили свежие яйца, и среди них была парочка с нарисованными внизу веселыми рожицами. «Найди яйцо счастья! – выкрикивала я. – Всего-навсего десять пенсов – и удача тебе

улыбнется!» Счастливчика ждал приз – корзинка с горой конфет и вязаным цыпленком посередке. После, когда учителя уже прибирались, а все разошлись по домам, остались только мы – несколько человек, в том числе и хромоножка Джимми, который вечно криво ухмыляется, и у него слюна в углу рта пузырится. Мы тогда в бойлерную прокрались – заранее разнюхали, где наш сторож выпивку прячет.

А может, это в другой раз случилось, на той дискотеке, где мистер Драйвер ко мне клеился и все допытывался, есть у меня уже парень или нет. За такой красоткой, говорит, пацаны хвостом должны бегать и в очередь выстраиваться, чтоб потискать. «Небось уже целовалась с мальчишками?» – спросил он и языком по губам провел. Внизу живота у меня так погорячело, вроде я уселась в вишневый пирог сразу из духовки. Только я на это ноль внимания и от мистера Драйвера улизнула. А он до конца дискотеки на меня пялился. Мне еще снятся туалетные кабинки. Или как в бассейне мальчишка рукой мою грудь цапнул, а червячок-то его совсем рядом был. Или, может, Господь меня избрал, чтобы сделать мне ребеночка. А может, инопланетяне засунули в меня Ноэля. Или Чип – это наш Лабрадор, тот еще бабник, – махнул своей бесстыжей штуковиной слишком близко от моих трусиков. Мне страшно хочется, чтоб что-нибудь из этого было правдой. Хотя какая разница – со мной-то все уже случилось. Так что буду продолжать притворяться, будто ничего не знаю.

Глава VII

Роберт трижды набирал номер Луизы – и трижды захлопывал мобильник, не дожидаясь гудка.

Только не пропадай, Роб. Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится…

Прощальные слова Луизы отчетливо звучали в ушах, словно и не прошел почти год с тех пор, как он видел ее в последний раз. Вчера, когда они с Дэном расправлялись с пивом в баре клуба, Дэн мимоходом заметил, что Луиза в Англии, приехала ненадолго – кое-какие дела утрясти и кузину замуж выдать. Луиза. Энергичная, деловая, с хрустальным искренним голосом. Мысль о ней преследовала Роберта. Вдруг она поможет?

– Алло! (Тот же чистый голос. Та же Луиза.) Алло?

Роберт отключился. Связь на подземной парковке все равно никудышная, да и Луиза наверняка слишком занята. На четвертый этаж, в офис фирмы «Мейсон и Найт», Роберт поднимался на лифте, стиснув в ладони сотовый, словно то был его спасательный круг в море безумия. Сколько Роберт ее знал, Луиза была для него как минимум щедрым источником логики и здравого смысла. Она учила его любви и доверию, учила проживать каждый день в полную силу, а о грядущих проблемах тревожиться лишь с их появлением. Как все это мило и правильно, подумал Роберт. Отключив телефон, он сунул трубку в карман. Как похоже на Луизу.

Роберт рассчитывал, что до появления Джеда Боумена с четверть часа у него еще есть – если тот вообще соизволит оторвать задницу от дивана. Вдолбить в башку двухметрового головореза, который так и брызжет яростью, что на предварительном слушании далеко не все может пойти по его хотению, – задача не из легких, да и удовольствия никакого, а уж в такой день, как сегодня, – тем более. Собственно, до слушания оставалась еще неделя, однако Роберт намеревался убедить Джеда хотя бы явиться на судебное заседание в костюме, не выражаться и не курить. Кроме того, желательно было разложить клиенту дело по полочкам и удостовериться, что он четко уяснил цель иска: получить опекунство над своими детьми, лишив их мать, подозреваемую в наркомании, родительских прав, – а отнюдь не навесить ей тумаков прямо в зале суда.

Вообразив Джеда Боумена в парадном одеянии, Роберт расхохотался в голос и под звяканье дверей вышел из лифта. Хороша картинка: руки, по которым мыло давно плачет, с желто-сизыми от никотина ногтями, торчат из чересчур коротких обтрепанных рукавов, а узел старомодного узкого галстука болтается на пузе. Бездельник и полный кретин этот Боумен, но остолопу повезло: его обеспечили адвокатом, и Роберту вменили в обязанность защищать его права в суде. Последнее время в фирме из двух человек Роберту доставались самые мерзкие дела.

Своего клиента Роберт унюхал прежде, чем увидел. Секретарша Таня дернула головой в сторону двери и скорчила мину: вдоль стеклянной стены коридора, растрепанной вороной на фоне синего неба, взад-вперед выхаживал Боумен. Невыносимая смесь запахов – несвежей одежды, пива, дешевого табака – окутывала его почти ощутимым облаком. Услышав голос Роберта, он обернулся и мрачно свел брови:

– Неужто сподобился дождаться. – Боумен утопил окурок в ополовиненной чашке чая. – Думаешь, ты один такой занятой, черт тебя дери?

– Прошу прощения. – Неизменно корректен, неизменно профессионален, Роберт безмолвно, но от души чертыхнулся, проклиная невесть откуда проклюнувшуюся пунктуальность громилы-клиента. – Присаживайтесь.

– Штаны-то мне протирать некогда. На объекте дожидаться не станут, чтоб ты знал.

За клиентом тянулся шлейф серой пыли – цемента? А сам он источал ненависть.

– Вот как? То есть вы нашли работу? – уточнил Роберт.

Это многое меняло. Если бы у Джеда появилась постоянная работа, стабильный доход и мало-мальская упорядоченность в жизни, выиграть дело было бы куда проще.

– Не так чтоб нашел… – буркнул Джед. Короткие толстые пальцы заскребли по щетине – дошло, что ляпнул лишнее.

– Ясно. Постоянной работы у вас по-прежнему нет.

Нигде не числится, деньги кладет в карман, зло подумал Роберт, а пособие и бесплатного адвоката ему подавай. И ведь пальцем, мерзавец, не желает пошевелить, чтобы как-то наладить жизнь свою и детей и продемонстрировать суду, что человек он ответственный и болеет за семью. А желает Джед одного – искалечить, физически и морально, свою жену, которую в один прекрасный день застал в постели с собственным братом. Роберт многократно выслушал безобразную историю, всякий раз с новыми грязными подробностями, порожденными яростью рассказчика. Славный такой и добрый парень, Джед Боумен.

– Джед, когда вы в последний раз виделись с детьми?

Роберт сунул портфель под свой роскошный, сверху обтянутый кожей, письменный стол и снял пиджак. Тяжесть мобильника во внутреннем кармане

вновь напомнила ему о Луизе. Как только расправлюсь с Боуменом – тут же ей позвоню, решил Роберт.

– Тыщу лет не видал. Она меня к ним не подпускает. – Джед извлек пачку сигарет из кармана вонючей рубахи.

– Здесь не курят. Я вас надолго не задержу. Потерпите?

Джед скривился:

– Потерплю, коли иначе никак. Короче. Моим малым в том доме нехрена делать. И я хочу их оттуда вытащить. У дуры этой новый чувак. Работенка у него клевая и тачка – полный писец.

– Вы уверены?

– Соседи сказали. Которые в смысле бывшие соседи.

К изумлению Роберта, кожа на лице клиента словно поползла вниз по костям черепа. Заросшие щетиной, темные от загара и грязи складки собрались на лбу, легли с затылка на шею, и Боумен стал до абсурда похож на старого, утратившего былую хватку бульдога.

– Я ж ее любил. Чес-слово, любил. Роберт, повинуясь чувству, которому он толком и определения не дал бы, достал из ящика стола стеклянную пепельницу. Сам он не пользовался ею с тех пор, как расстался с вредной привычкой, сразу после свадьбы с Эрин. Странно, что события прошедших выходных не вернули потребность в никотине в десятикратном размере. Однако сейчас, глядя на Джеда, лицо которого при виде пепельницы почти пришло в норму, Роберт едва удержался, чтобы не стрельнуть у клиента сигарету.

Или его потянуло на курево из-за голоса Луизы? Все тот же серебристый колокольчик…

Роберт обговорил с Боуменом нюансы дела, хотя тот, похоже, совершенно не осознавал последствия в случае провала. Свидетели у него, мягко говоря, ненадежные, и за каждым, кроме одного, тянется хвост правонарушений,

связанных с алкогольной или наркозависимостью. Роберт предчувствовал, что его адвокатскому красноречию грозит серьезное испытание. Большой вопрос, сумеет ли он убедить суд в том, что Мэри Боумен – плохая мать детям Джеда, если их отец сам водит дружбу с социально опасными личностями.

В лучшем случае ребят отдадут на воспитание в приемную семью, а в худшем… Роберт нутром чуял, что худшим вариантом для детей станет жизнь с отцом. Впрочем, он пока не встречался с Мэри Боумен и не мог судить, насколько она порочна. До сих пор он был вынужден верить Джеду на слово.

– Итак, жду вас ровно в девять, выбритым и в приличном костюме. – Роберт поднялся, по привычке протянул руку для пожатия, сквозь клубы сизого дыма над столом, – и тут же брезгливо отдернул: пусть этот парень сначала ладони ототрет и грязь из-под ногтей выгребет.

– Поспрашаю, авось кто-нить выручит на часок.

Джед Боумен удалился, явно недовольный перспективой раздобывать костюм. А Роберт, сражаясь с желанием немедленно выхватить мобильник, подключил Таню к обсуждению других дел. Когда секретарша заявила, что все эти вопросы были решены еще на прошлой неделе, Роберт вломился в кабинет Дэна и расстроил тому конференц-связь. Наконец вернулся в собственный, провонявший табаком кабинет и налил кофе. Включил сотовый – и вздрогнул, услышав новое голосовое сообщение.

– Роберт, ушам своим не верю! Кто-то позвонил, но в трубке молчок, и я уж было решила, что не соединилось, а тут твой номер высветился! Ну как ты? Сто лет тебя не слышала. Ты в курсе, что я вернулась, – правда, ненадолго, но все же. Давай-ка созвонимся, организуем что-нибудь, а? Если хочешь, конечно. Или ты не хочешь? Или не можешь? Или можешь, но все равно нам лучше не встречаться? Словом, ты понял. В любом случае, дружок, жду твоего звонка!

В этом вся Луиза. Искренность и предельная ясность.

Он нажал кнопку повтора и обжег себе губы кофе – Луиза ответила сразу же.

– Роб?!

– Он самый. – Несмотря на ожог, губы Роберта расползлись в ухмылке. – А это мисс Форрест, не так ли? – Он вмиг осознал свою оплошность.

– Не-а! Боюсь, вы ошиблись номером.

– Боюсь, что нет. Ну и как жизнь замужней дамы, миссис… – Роберт поперхнулся. Произносить фамилию у него не было ни малейшего желания. – Миссис ван Холтен?

– Гм. Коль уж вы спросили, дражайший мистер Найт, жизнь замужней дамы восхитительна.

И переливчатый смешок в трубке. Смешок, воскресивший миллиарды воспоминаний. Не хихиканье безголовой девчонки или двадцатилетней ветреницы, но мягкий, уверенный смех женщины, которая знает, чего хочет от жизни. Получила ли она желаемое? Роберт мог лишь гадать.

– Позволите ли задать вам аналогичный вопрос, мистер Найт?

– Ответ тоже аналогичный, миссис… ван Холтен. Моя жизнь просто восхитительна. В полном соответствии с вашим предсказанием.

Роберт будто воочию вновь увидел, как по лицу Луизы мелькнула тень душевной боли, виртуозно замаскированная улыбкой, когда он представил ей Эрин.

– Правда?! Я рада за тебя, Роб! Ты это заслужил… после всего, что было.

В трубке – чуть различимый вздох. Или всего лишь помехи в эфире?

– Ты тоже. – Если так дальше пойдет, сообразил Роберт, беседе грозит утонуть в сентиментальных соплях, что положит ей преждевременный конец. – А ты сейчас в Лондоне? – Он затаил дыхание, надеясь услышать «да» и зная, что шансы минимальны.

– Увы, увы. Иначе я уже тарабанила бы в твою дверь и тащила тебя на ланч.

Роберт на миг прикрыл глаза – благо Луиза не могла видеть его слабости.

– Я в Сомерсете, – продолжала она. – В выходные у кузины свадьба, еще несколько дней уйдут на семейные визиты, чтоб никого из старичков-родственников не обидеть.

Роберт уловил утомленную нотку в ее голосе. Словно она от чего-то здорово устала.

– А когда обратно в Амстердам?

Дэн уже просветил Роберта, что Луиза пробудет в Англии с месяц. Видно, от кого-нибудь из компаньонов узнал – из тех, кто время от времени привлекал Луизу к работе. Роберт точно не помнил – пять пинт уговорил как-никак.

– Ты же меня знаешь, Роб. Раз уж все равно сюда летела, не устояла против шанса провернуть кое-какую работенку. Словом, у меня заказ от одного голландского агентства. Может, за неделю справлюсь, а может, и все четыре проторчу.

– Надо бы состыковаться, наверстать упущенное. – Роберт прикусил язык. Подумал об Эрин. Пожалел, что позвонил Луизе.

– Само собой, не отвертишься. Какие планы на выходные?

Роберт медлил с ответом. Луиза ведь проводит уик-энд на свадьбе кузины в Сомерсете. Она что же, и его приглашает? Плюс Эрин с Руби? Забавно. Он усмехнулся. Денек-другой вне дома, на людях, – быть может, как раз то, что всем им нужно.

– Ничего конкретного, хотя все в руках Эрин. Она способна за час созвать гостей и закатить вечеринку. Это ей раз плюнуть. – Он хохотнул в надежде придать вес своей лжи. Последнее время Эрин слишком поглощена собственными мыслями, чтобы изображать из себя радушную хозяйку. – А что ты предлагаешь?

– Как насчет того, чтобы загрузить своих девушек в машину и махнуть на выходные за город? Уиллем тоже прилетает на свадьбу. Встретились бы все вместе… пообщались…

– …и все такое, – закончил Роберт.

Идею оставили как вариант – Роберт обещал перезвонить после разговора с Эрин. Сам он очень рассчитывал на согласие жены. Она встречалась с Луизой лишь однажды, до свадьбы с Робертом и до того, как Луиза, выйдя замуж за голландца, переехала в Амстердам. В свое время Роберт был близок с Луизой, но прошлая страсть не в счет, и к тому же загородная поездка удачно вписывалась в ситуацию: свадебный уикэнд годился как обещанный Руби сюрприз и запросто мог подсластить пилюлю для Эрин, которой еще предстояло узнать, что муж и дочь нарушили ее запрет.

Эрин приняла душ, переоделась и возникла в кухне – свежая, как бутон на заре. Но внешность, как оказалось, обманывала: совершенно измотанная, Эрин с порога принялась жаловаться на безумный день. Роберт протянул ей бокал охлажденного белого вина. Вечер был необычно жарким и душным для начала июня.

– И представь, она заявилась только в одиннадцать! Я ей сказала, прямо так и сказала, черт побери: «Вы уволены, дорогая!» – Эрин взяла бокал, улыбнулась: – Ты чудо! По какому поводу вечеринка? – Она обвела взглядом разноцветье продуктов на столе и шумно втянула носом пряные запахи.

– Без повода. Захотелось повозиться на кухне. – Роберт обнял жену, вдохнул аромат шампуня.

По правде говоря, повар из него никакой, а это была рискованная попытка поднять Эрин настроение, прежде чем выложить новость о Грейвуд-колледже. Попытка тем более рискованная, что могла и провалиться. Он попросил Таню выискать рецепт поориганальнее – и попроще – в Интернете, а потом еще и послал закупить все необходимые ингредиенты.

– Руби сегодня на редкость весела. Да, кстати. Спасибо, что забрал ее после школы к себе, а то вечно слоняется по магазину. Надоело ей, должно быть, до смерти.

– Нет проблем.

Роберт выпустил жену из объятий и заглянул в лицо. Решив, что момент истины еще не настал, вернулся к плите и принялся обжигать цыпленка. Кухня наполнилась чадом.

– Корпит над домашними заданиями, можешь себе такое представить?! – Эрин, отступив от мужа, заметила перерезавшую его лоб морщинку. – Что-то случилось? Ты будто не доволен тем, что Руби в кои веки не дуется и не хамит.

– Доволен, доволен. – Роберт отложил нож, которым кромсал цыпленка на части, и прикрутил газ. Развернувшись к жене, опустил ладони ей на плечи. Господи, какая же она хрупкая… – Я должен тебе кое-что…

– Папа! Ты мне поможешь с заданием? Остальные давным-давно над ним работают, но мисс Дрейпер сказала, мне нужно постараться догнать их к концу семестра, так что…

– Минутку, Руби. Мы с мамой поговорим – и я к тебе поднимусь.

Руби остановила взгляд на матери. Перевела на Роберта. Наконец догадалась – и щеки ее покраснели.

– А-а-а… – И она ретировалась.

– Что за мисс Дрейпер? – Эрин выскользнула из-под ладоней мужа. – И почему Руби нужно кого-то догонять? – Она надолго припала к бокалу. – Роб?!

Он выключил газ полностью – на цыпленке все равно можно ставить крест – и придвинул стул для Эрин к кухонному столу. Она села, не сводя глаз с мужа. Он тоже сел, но стараясь не смотреть ей в лицо, сосредоточившись на тонких пальцах, нервно крутивших бокал.

– Эрин… Сегодня я отвез Руби в Грейвуд-колледж. В ту жуткую школу она не вернется. Ни под каким видом. – Он наконец заставил себя поднять глаза. И увидел паутинку недоверия, протянувшуюся между ним и Эрин, такую знакомую, провоцирующую сомнения. Эрин обожала поддразнивать его небылицами. Только на этот раз автором байки стал он.

– Ты… Что ты сделал? – Эрин встала и, прислонившись к раковине, устремила невидящий взгляд в окно, на крохотный садик с плакучей ивой, под которой они как-то занимались любовью, рискуя быть увиденными и оттого с особенной страстью.

– Эрин, я понимаю, что формально Руби – твоя дочь. Однако, выйдя за меня замуж, ты переложила на меня и часть родительской ответственности. Мы одна семья теперь, и мое мнение относительно будущего Руби…

– …однозначно превыше моего, не так ли? – Эрин повернулась. Взгляд ее был тяжел, глаза, как это ни невероятно, стали еще светлее, а пухлые губы сжались в тонкую линию. – И тебе плевать на то, что действительно важно.

– Счастье Руби – вот что действительно важно. Она вся светилась, когда я забирал ее из колледжа!

Желание готовить уже пропало, как и аппетит, но в надежде притушить скандал Роберт вновь взялся за цыпленка: включил газ, свалил куриные части в сковороду, добавил заранее приготовленный соус. Эх, пропадет угощение – вряд ли кто даже попробует. Разве что Руби.

Выйдя из кухни, Эрин едва не столкнулась с дочерью. Руби вопросительно посмотрела на Роберта.

– Наша с тобой новость маму не обрадовала, ласточка, – честно признался Роберт и поднес к губам Руби ложку с соусом.

– Островато, но вкусно, – с тоской в голосе оценила она. – Мне придется вернуться в ту школу?

– Еще чего. Забудь ее как страшный сон. – Роберт глянул в окно, словно пытаясь догнать недавние мысли жены. От вида плакучей ивы защемило сердце. Какой желанной и какой жаждущей была тогда Эрин, с какой готовностью отдавалась ему. Любить ее так, как того требовало ухающее в груди сердце, – вот чего ему хотелось в этот миг больше всего на свете. – А я, между прочим, об обещанном сюрпризе не забыл!

Ликующе взвизгнув, Руби кинулась за матерью.

Цыпленок оказался съедобным – хотя был и впрямь островат для душного вечера. Самый обычный зеленый салат пришелся бы как раз кстати. Волнения первого дня на новом месте обеспечили Руби волчий аппетит, и она смела все до последней крошки, зато Эрин возила мясо по тарелке, размазывая соус, как ребенок, который пытается обдурить родителей.

Общались за столом скупо, а когда Руби, не стерпев, попробовала завести речь о колледже, Роберт остановил ее взглядом – мол, сейчас не самый подходящий момент. Эрин еще не отошла от тяжелого дня в магазине и время от времени бросала злобные реплики насчет никуда не годных сотрудников. Эрин работала в своем магазине не покладая рук. Предыдущий владелец был полнейшим профаном в цветочном бизнесе, и Роберт купил у него магазинчик в качестве свадебного подарка невесте. Он верил в ее таланты и считал, что у нее все получится: Эрин энергична, ее знания о цветах достойны изумления, а магазинчик пусть и невелик, зато выгодно расположен на оживленном перекрестке дорогого района.

– Я ее миллион раз предупреждала, но она, похоже, просто не желает работать. Придется дать объявление и искать замену. – Эрин схватилась за голову: – Поверить не могу, что осталась без помощницы.

Роберт потянулся к ней через стол, чтобы помассировать плечи.

– А что, если позвонить ей и попросить вернуться? – предложил он. – Хотя бы на эту субботу. – Он подмигнул Руби: – Нашей маме не помешает передышка.

– Что ты несешь, Роберт?! – Все еще в ярости от самовольства мужа, Эрин сбросила его ладони с плеч, вскочила и принялась собирать тарелки.

Роберт усадил ее обратно:

– Сядь. Как тебе идея уикэнда в романтическом загородном отеле? Бассейн, спа-салон, катание на лошадях, гольф, теннис, а после всего этого можно насладиться массажем и всяческими косметическими штучками. – Луиза назвала Роберту отель, где устраивалась свадьба, и, заглянув на сайт, он уже успел справиться о наличии свободных номеров. – Я обещал Руби сюрприз, и, по-моему,

уик-энд на природе – как раз то, что всем нам очень даже не помешает.

Эрин выслушала новость с бесстрастным видом. Даже бровью не повела – так и сидела неподвижно, сцепив на столе ладони, ничем не выдав своих мыслей. Руби же сорвалась с места, повисла у Роберта на шее. Хоть один член его семьи доволен – и на том спасибо.

– Пап, а вы разрешите покататься верхом?

Она опять назвала его папой, и у Роберта потеплело на душе. Он стиснул пальцы девочки – ледяные, несмотря на вечернюю жару.

– Ну-ка, давай, неси письма из школы. Помнится, ты сказала, там что-то важное.

Кивнув, Руби побежала наверх за портфелем.

– Ты меня расстроил, Роб. Очень расстроил. – Эрин подняла взгляд на мужа.

Общение глаза в глаза, отметил он. Что ж, уже какое-то начало. А при данном положении вещей, можно сказать, – крупный прорыв.

– Речь всего лишь о выходных за городом, дорогая.

– Да я не о поездке… – Запнувшись, она взяла Роберта за руку: – Насчет уикэнда ты здорово придумал. Я расстроилась из-за Грейвуда. Бегство от проблем – не лучший выход из ситуации, – в очередной раз повторила она.

Вернулась Руби и сунула Роберту кипу бумаг.

– Тебе, как я погляжу, личный секретарь нужен, чтобы со всем этим справляться. – Роберт перекладывал листок за листком. – Гм-м. Требуется копия свидетельства о рождении Руби и копии справок о прививках. Отошлешь, Эрин? Ну а оплата крупного чека – это уж моя забота. – Роберт улыбнулся: с бешеными ценами за частное образование он уже смирился.

– Ты ведь, кажется, уже оплатил остаток семестра, – глухо произнесла Эрин.

– Верно. А этот чек – за экскурсию в Вену в августе. Поездка планировалась давно, так что нам нужно срочно заполнить все анкеты и прочее, иначе Руби не возьмут. – «А девочка, – добавил он про себя, – должна принимать активное участие во всем, что Грейвуд может предложить».

– В Вену – тонким до прозрачности голосом отозвалась Эрин и уколола Роберта недоверчиво суженным взглядом.

С трудом скрывая восторг, Руби как ребенок скакала то на одной, то на другой ножке:

– Нас повезут в Венскую консерваторию, а там та-акие преподаватели музыки!! И еще я буду играть в Опера-Хаус! И всю Вену покажут, и дискотеку устроят, и…

– Вена – это в Австрии, – констатировала факт Эрин.

Констатировала едва слышно, но Руби на миг умолкла. Однако тут же продолжила:

– Представляешь, мам, я полечу на самолете! Впервые в жизни!

Самообладание не изменило Эрин – на лице не отразилось ничего, помимо вполне естественного удивления. Разве что легкий тик на челюсти выдавал более сильные эмоции.

– Для Руби эта экскурсия – источник знаний, а для нас с тобой – шанс побыть вдвоем денек-другой. – Роберт опустил ладонь на колено жены – та отдернула ногу. – Что за черт, Эрин? Тебе бы радоваться за дочь, а ты сидишь труп трупом.

Он встал и сам взялся убирать со стола, едва сдерживая злость. Да что с ней такое! Эрин, которую он знал и любил, должна была бы прыгать от счастья, что ее ребенок попадет в мировой храм музыки. Ведь Эрин всегда уважала желания дочери и ставила ее интересы выше своих, и это ее качество Роберта неизменно восхищало. Загружая посудомоечную машину, он звенел тарелками, даже не пытаясь скрыть раздражение.

– Я и радуюсь… Конечно, я рада, – с мукой на лице выдавила Эрин. – Но дело в том… – Она уронила голову. – Дело в том, что Руби не может лететь в Вену.

– Чушь, – отрезал Роберт. Хватит с него загадочных истерик и необъяснимого упрямства. Девочка отправится в Вену, даже если ему придется отвезти ее лично. – Руби, знаешь ли, уже в том возрасте, когда ее мнение тоже кое-что значит. Она не вещь твоя и не канарейка. – Он заметил, как Эрин вздрогнула. В ее остекленевших глазах мелькнул проблеск чувств. – Будь добра, не забудь заполнить все необходимые бланки и отправить секретарю колледжа копию свидетельства о рождении. Это важно.

Вытирая руки, он был почти спокоен: возня с посудой сняла напряжение. Эрин и сама отказывается летать, а за дочь, понятно, боится еще больше. Что ж, придется как-то справиться с ее предубеждением, чтобы она не стояла на пути будущего Руби. Надо надеяться, уик-энд в Сомерсете поможет. Вот только как бы выбрать удачный момент, чтобы упомянуть о связи этой поездки с Луизой?

Глава VIII

Автостраду М3 они пролетели птицей, и движение на шоссе в сторону Мартока радовало не меньше. Роберт, который в дорожных пробках смахивал на дикого зверя в капкане, был в прекрасном расположении духа – несмотря на более чем странную новость, что утром сообщила Таня. Ветер безжалостно трепал волосы Эрин, а улыбка словно навечно приклеилась к ее губам. Роберт был не прочь поднять верх машины, но его женщины предпочли порку ветром. Лондон остался позади, и казалось, уже сам этот факт поднимал всем настроение.

– Отвечаю прежде, чем ты опять спросишь, Руби, – еще минут сорок.

Роберт управился с самыми неотложными делами к обеду, чтобы забрать Руби, отучившуюся в колледже первую неделю. Они вместе заехали в «Маргаритку» – владения Эрин, и Роберт в который раз заверил жену, что Таня вполне способна один день продержаться в магазине.

Но сердце Эрин все же было неспокойно.

– По-твоему, на Таню можно положиться? – спросила она вновь, когда они свернули с шоссе на проселочную дорогу. Ехать осталось всего ничего, и она повязала голову легкой светло-вишневой косынкой, чтобы хоть как-то усмирить взъерошенные волосы.

– Таня работает у меня бог знает сколько лет. Она прекрасно справится со всем. – Роберт улыбнулся жене, остановив на ней взгляд, насколько позволяла дорога. – Забудь о делах хоть на выходные.

Пальцы его на миг с силой стиснули руль – не из-за крутого виража, но потому, что Роберт снова вспомнил непостижимую фразу Тани, сказанную утром. Уверенный, что разумное объяснение найдется, Роберт решил забыть о загадке до конца уик-энда и не тревожить Эрин расспросами до возвращения домой.

Окна отеля «Клены», расположенного возле деревенской церкви, встретили их, сверкнув отраженными лучами заходящего солнца. Западный угол здания, сложенного из местного красного камня, в вечернем освещении казался ярко-оранжевым; ветви кленов отбрасывали на фасад узорчатые пляшущие тени.

– Милое место, – равнодушно сказала Эрин, окидывая взглядом гостиницу, церковь и собирающихся группками гостей. – Луизе, должно быть, не терпится тебя увидеть.

Роберт вздохнул, уловив едкую нотку.

– Луиза приехала на свадьбу двоюродной сестры. А мы – чтобы отдохнуть. – Он вышел из машины, захлопнул дверцу и, прежде чем достать из багажника сумки, привлек к себе жену и прикоснулся губами к ее губам. Эрин не должна ревновать или испытывать хоть малейшую угрозу со стороны Луизы. – Встретить старого друга всегда приятно. Не думаю, чтобы ее муж, Уиллем… как его там… сильно возражал.

– Да? Что ж ты произносишь его имя так… – Эрин подняла на мужа глаза, сощурившись из-за солнца, бьющего ей прямо в лицо, – кисло!

Кисло, говоришь? А как ты сама произносишь имя Луизы, слышала? Вслух этого Роберт не сказал: семейная ссора – не лучшее начало романтических выходных.

– Здесь классно, пап! – Руби выбралась из машины. – Ой, смотрите! – Она увидела пегих лошадок, лениво цокающих по главной улице деревни. – А где мы будем жить? Пойдем смотреть!

Нет, отдых определенно не должен быть испорчен, думал Роберт, провожая взглядом долговязую, немного нескладную фигуру дочери, вприпрыжку рванувшей ко входу в гостиницу. Девочка превращалась в женщину, но детство еще не было окончательно забыто. Подхватив две сумки – весь их багаж, – Роберт зашагал вслед за Руби.

Оформление затянулось – впрочем, Роберт не имел ничего против ожидания. Гостиница была явно переполнена из-за предстоящей свадьбы, так что заказанные им меньше чем за неделю два номера – чистое везение. Роберт прочесывал взглядом вестибюль, притворяясь – в основном перед самим собой, – что восхищен полотнами с изображением сцен охоты, деревенскими пейзажами и антикварными вещицами, украшавшими просторный холл, хотя на самом деле выискивал лицо Луизы среди десятков незнакомых лиц. Он всегда говорил ей, что она выделяется из толпы, что ее нефритовые глаза и волосы цвета осени просто невозможно не заметить. Казалось бы, такая внешность, при ее-то роде занятий, – изрядная препона, а вот ведь не помешала успеху Луизы.

Ага, кажется, вот она – мелькнула в другом конце вестибюля и скрылась в дамской комнате. Рыжий узел волос над длинной бледной шеей, редкий для женщины рост, грациозная поступь.

– Что ты там усмотрел? – Эрин проследила за взглядом мужа и пожала плечами. – Наша очередь, между прочим.

Она подтолкнула Роберта к стойке администратора и ждала, обняв его за талию. Интересоваться, в каком номере остановилась Луиза, он не рискнул.

Когда с формальностями было покончено, Роберт вместе с женой и дочерью направился к лифту, то и дело невольно поглядывая в сторону дамской комнаты. Двери лифта разъехались, пожилая пара с трудом выволокла гигантский чемодан из тесной кабинки, и Руби, запрыгнув внутрь, успела нажать кнопку, чтобы двери не закрылись. Эрин ступила в кабинку вслед за дочерью. Последним втиснулся Роберт с сумками.

– Роберт?

Безошибочно узнав голос, он сунул ногу между половинками двери – и увидел Луизу. Вначале улыбку в пол-лица, а потом и зеленые глаза в обрамлении черной оправы деловых очков.

– Так и думал, что это была ты. – Роберт не удержался от широченной ответной улыбки. Подавшись на полшага вперед, он встал в дверях, и те колотили его по плечам, с обиженным вздохом пытаясь закрыться. – Тебе к лицу. – Поскольку обе руки были заняты сумками, он подбородком указал на очки.

– Папа, лифт сломаешь!

Пару бесконечно долгих секунд они смотрели друг на друга. Роберт не мог решиться ни вернуться из лифта в холл, ни ограничиться скупым «увидимся попозже». Луиза сделала выбор за него:

– Мы собираемся в баре в семь часов. Тесной компанией. Присоединяйтесь! – И она окинула взглядом кабинку лифта, включая в приглашение Эрин и Руби, хотя и не назвала их.

– Отлично. В семь. – Роберт выдохнул и шагнул назад. Двери со злобным свистом захлопнулись.

Номера им достались маленькие, но по-деревенски уютные, – излюбленный стиль Эрин. Она прилегла на кровать – аккуратно, чтобы не нарушить безукоризненную поверхность покрывала, но утомление тяжелой недели взяло свое, и Эрин поддалась искушению вытянуться на удобном ложе.

– Горячая ванна – то, что нужно. Сейчас пущу воду, – сказал Роберт. – И принесу вина – в холодильнике очень кстати есть белое.

На часах – почти половина седьмого. Пока Эрин как следует расслабится в ванне, да пока наведет красоту… Хлоп – Роберт вытащил пробку из бутылки. Ему ведь и нужно-то всего несколько минут с Луизой наедине, чтобы спросить совета. А потом и Эрин с Руби присоединятся. Во всяком случае, он на это надеялся: хотелось вывести в общество своих красавиц.

– Ты что, действительно собрался в семь на встречу с Луизой и ее родней? По правде говоря, я рассчитывала на тихий ужин в ресторане. Руби можно заказать что-нибудь прямо в номер, а уж развлекательных каналов здесь более чем достаточно – от телевизора ее не оттянешь. – Эрин села на кровати.

– Речь шла всего лишь о бокале-другом перед ужином. Задерживаться не будем, и из бара сразу в ресторан. Боюсь только, Руби ты в четырех стенах не удержишь. – Роберт протянул жене бокал с вином и проводил в ванную.

Первые десять минут в баре он пытался вычислить Уиллема, мужа Луизы, среди полудюжины обступивших ее мужчин. В классической позе посетителя бара, локтем опираясь на стойку, Роберт держал в руке стакан с чистым виски и коротал время, наблюдая за музыкантами, которые настраивали инструменты. Он стоял достаточно далеко от Луизы, чтобы не выглядеть очередником на общение, но и не изолировал себя от остальных гостей.

– Роб! – То не был откровенный крик о помощи: не из тех Луиза женщин, кому без содействия не отбиться от мужской компании – неважно, воздыхателей или недругов.

– Привет тебе, – с мимолетной улыбкой откликнулся Роберт, но остался на месте.

Луиза закатила глаза – ох уж эти мужчины! – и выскользнула из плотного кольца. Мужа среди них, бесспорно, не было. Любопытно, кто из этих, ныне покинутых, первым отважился бы забросить удочку?

– Тонешь? – небрежно поинтересовался Роберт.

– Я неплохой пловец – выплыву. Да и опасности ноль. Вот увидишь, с появлением жен бросятся врассыпную. – Она приправила колкость усмешкой, и Роберт отметил тоненькие «гусиные лапки» в уголках ее глаз – возможно, давнишние, но увеличенные линзами новых очков. Луиза ткнула пустым пузатым бокалом в грудь Роберта: – Умираю – хочу выпить. Ненавижу свадьбы! – пожаловалась она.

Роберт с превеликим удовольствием предложил бы Луизе свою нетронутую порцию виски, лишь бы провести те минут пятнадцать наедине с Луизой,

которые надеялся выкроить, как можно более продуктивно.

– А совсем недавно не возражала. – Он покорно развернулся к стойке.

К тому моменту, когда Роберт добился внимания бармена и расплатился за выпивку, Луиза уже устроилась за миниатюрным столиком, на диванчике, кожа которого соперничала блеском с отполированным деревом стола. Роберту досталось скрипучее кресло.

– Не возражала – против чего?

– Против свадьбы.

– Ты, кажется, тоже? – парировала Луиза, и оба расхохотались. – Все равно – ненавижу. – Она вздохнула и принялась накручивать на палец локон, выбившийся из прически. – Любовь тут побоку. Ритуал, демонстрирующий обладание, – вот что такое свадьба. По моему глубокому убеждению.

– Что-то не ладится?

Роберт подавил желание взять Луизу за руку. Привкус горечи в ее словах ему очень не понравился. Она молча кивнула в ответ. Если не будет настаивать на продолжении, подумал Роберт, лучше бы этим и ограничиться. Надо же – а ведь по телефону оба взахлеб расписывали счастье семейной жизни.

– А ты как? Погряз в супружеском раю? – Луиза заглянула в глаза Роберта.

– Все здорово, – без запинки ответил Роберт. Откуда только взялось чувство, что он бессовестно соврал? – Хотя должен признаться, что войти в сложившуюся семью непросто. Чужой ребенок как-никак…

– Отец рядом крутится? – Голос Луизы, мягкий, чистый, лучше всякого лекарства снимал головную боль, разыгравшуюся у Роберта после напряженного дня.

– Да в том-то и дело… Вообрази: никакого отца. Руби – замечательная девочка, хотя и не без проблем – в школе, к примеру. И все, закрыли тему. Больше ничего из меня не вытянешь. – Роберт с удовольствием врезал бы самому себе

хорошенько – за то, что свернул разговор. Самое ведь время спросить совета Луизы, передав ей слова Тани. На здравомыслие Луизы всегда можно положиться.

– Кто бы мог подумать, что жизнь так повернется, а? – Луиза отвела глаза, словно пожалев о сказанном.

– Точно. – Роберт рассмеялся, скрывая шок от ее вопроса, суть которого не сразу уяснил. И припал к бокалу.

– Ты женился, я замуж выскочила, ты снова женился, да и я уже была второй раз замужем. Синхронность, я бы сказала… несуразная. – Луиза потянулась к нему, но Роберт отдернул руку. Расстраивать Эрин в его планы не входило. Чувство к Луизе он оставил в прошлом – решительно и навсегда.

– Для женщины, которая ненавидит свадьбы, ты явно перевыполнила норму по бракосочетаниям. – Роберт пригубил еще виски.

– Свадьба свадьбе рознь. Против нашей я бы не возражала. – Очередное смелое замечание, после которого оба надолго умолкли.

Роберта совсем не устраивал подобный поворот беседы, и он уже готов был вернуться к рассказу о Руби, как лицо Луизы вдруг вытянулось.

– Уиллем! – жизнерадостно произнесла она и поднялась, сияя, вмиг отгородившись от Роберта. – Познакомься с моим старым другом. Роб Найт – юрист. Когда-то я немало попахала на его фирму.

Уиллем, оказавшийся моложе, чем его представлял себе Роберт, протянул руку:

– Очень приятно.

Роберт не уловил ни угрозы в его голосе, ни хотя бы тревоги, что застал красавицу жену за выпивкой с человеком, ему незнакомым. Акцент, однако, уловил – приятный, кстати, акцент. И вообще, с первого взгляда Роберту не за что было зацепиться, чтобы невзлюбить супруга Луизы.

– Дорогая, нам пора. Все уже собрались и ждут в фойе.

Луиза обернулась к Роберту:

– Мы ужинаем с кузиной и ее женихом. Поскольку я – подружка невесты, нам с ней нужно кое-что отрепетировать.

– Заодно распиши ей все прелести замужества, – посоветовал Роберт с улыбкой, уверенный, что Луиза раскусит скрытый смысл его слов – в отличие от Уиллема, иностранца, которому недоступны нюансы чужого языка. – Что ж, до встречи. Надеюсь, утром увидимся – у меня пробежка спозаранку. – Он не забыл фанатичную приверженность Луизы утреннему бегу.

Луиза ответила улыбкой, после чего позволила себя увести под локоток – совершенно немыслимо для женщины, которую когда-то знал Роберт.

То ли виной всему вторая порция двойного виски, выпитая в ожидании Эрин и Руби, то ли это произошло бы в любом случае, – но крохотный, безобидный поначалу узелок, клубясь зловещими щупальцами, стремительно превратился в опухоль. Как бы там ни было, Роберт очень пожалел о том, что в первый же вечер семейного отдыха, за ужином с Эрин, коснулся утреннего разговора с Таней.

– Нашей Руби, похоже, вообще нет. – Роберт глотнул вина. Взгляд его, будто по собственной воле, то и дело стрелял в сторону бара, выискивая Луизу среди посетителей.

– Она в туалет убежала. – Эрин, истязавшая филе лосося, вскинула голову и отложила вилку. – То есть как – нет? Как Санта-Клауса, что ли? – Попытка разрядить сгустившуюся за столом атмосферу провалилась.

– Нет. Сказочные персонажи ни при чем. Я имел в виду… – Роберт запнулся. Еще один взгляд в сторону бара, еще один глоток вина. – Видишь ли, какая история: Таня не нашла свидетельства о рождении Руби. Даже намека нет на то, что девочка когда-то появилась на свет.

Молчание Эрин не было ни долгим сверх меры, ни заряженным особой тревогой.

– И по-твоему, завтра я смогу здесь отдыхать со спокойной душой, зная, что эта твоя Таня хозяйничает в моем магазине? – Эрин вновь принялась ковырять розово-прозрачную рыбу, правда не положив в рот ни кусочка.

– Она вполне способна денек попродавать цветы.

– Угу. Зато не способна найти элементарный документ, хотя именно такого рода работа в основном и входит в обязанности секретаря. – Эрин улыбнулась вернувшейся за стол дочери.

– А можно мне сразу десерт? – Руби адресовала вопрос Роберту – женская интуиция подсказывала, что здесь шансов больше.

– Само собой. Таня не виновата, – продолжил он, понизив голос и упорно не глядя на жену, чтобы не нарваться на ссору в присутствии Руби. – Она ничего не нашла, поскольку свидетельства попросту нет.

Умница Руби в момент уловила самую суть:

– Это для паспорта, да? Чтобы я смогла поехать в Вену? – Она ерзала в кресле, пытаясь дотянуться до десертного меню.

Роберт кивнул:

– Я разберусь, не волнуйся.

– Какие волнения – с таким-то асом среди секретарш. – Эрин аккуратно вытерла салфеткой губы и поднялась. – Пусть особенно не напрягается, Роб, поскольку ни на какую экскурсию Руби не поедет. – И она направилась к выходу.

Роберт провожал долгим взглядом жену, не в силах посмотреть на Руби.

– Против большой порции мороженого с шоколадным сиропом не возражаешь? – наконец спросил он, прекрасно понимая, что даже самым любимым лакомством не подсластит пилюлю разочарования.

Эрин уже устроилась в постели, с горой подушек под спиной и книгой в руках. В комнате витали легкие запахи ее ночного крема и травяного чая. Роберт выложил ключи и бумажник на тумбочку у кровати, сбросил туфли.

– Она легла.

Эрин опустила раскрытую книгу рядом с собой. Глянув на алую тисненую обложку гостиничной Библии, он поинтересовался:

– Интересная книжка?

– Захватывающая. Полистай как-нибудь, не пожалеешь. – Эрин щелкнула выключателем бра и скользнула под одеяло, невзирая на духоту в спальне.

– Я сказал – она уже легла. – Роберт снял рубашку и прошел в ванную. Почистил зубы, умылся, посмотрел в зеркало, отметив, как заострились черты лица – то ли от ледяной воды, то ли от упругой нити подозрения, пульсирующей под кожей.

– Спасибо, – невнятно буркнула из-под одеяла Эрин.

Странностям нет конца. Она ведь всегда целовала Руби на ночь. Роберт подошел к кровати и откинул одеяло. Эрин свернулась в позе эмбриона, сквозь шелковистую ткань легкой пижамы Роберт видел, как напряжено ее тело.

– Ты что творишь с ребенком? – рявкнул он. – Девочка первую неделю отучилась в новой школе – между прочим, так и не дождавшись от тебя поддержки! – а ты продолжаешь гнуть свою дурацкую линию, запрещая ей лететь в Вену? – Роберт отвернулся – ладони так и горели. – Знаешь ведь, что я сам заплачу за поездку, если тебя волнуют деньги.

Тяжелое молчание нарушал лишь приглушенный музыкальный дребезг из бара на другом конце гостиницы. Тёплый ночной воздух, казалось, сгустился до консистенции войлока, стеной разделившего двоих в спальне. Роберт со вздохом опустился на кровать. Хотел набросить на жену одеяло – Эрин спихнула его ногой. Ее словно выбросило за границу реальности.

– Позволь напомнить тебе, ради чего каша заваривалась.

Роберт выудил из своей сумки айпод, который захватил из дома в качестве правдоподобного прикрытия своей утренней пробежки. Он не знал в жизни Луизы ни дня, который она не начала бы с бега. В тайном умысле, правда, Роберт и самому себе не признался бы.

Выбрав нужную цифру в меню айпода, Роберт собственноручно вставил жене наушники. Ресницы ее дрогнули, губы шевельнулись – Эрин окунулась в музыку дочери.

Роберт знал эту вещь наизусть. Руби назвала свой опус «Полет». Композиция о человеке, который внезапно обращается в бегство, бросая все, как будто жизнь – одноразовый стаканчик из-под кофе. Слова самой Руби. Какой гордостью светилось ее лицо, когда она рассказывала Роберту о своей музыке. Восхитительное произведение, как и эта девочка.

Роберт смотрел на жену – в уголках ее глаз блеснули слезы. Конечно, Эрин помнила, как дочь работала над своей композицией, часами склоняясь над фортепиано, каким-то чудом втиснутым в гостиную Роберта. Итогом ее вдохновенного творчества стали мелодии, которые Роберт записал, объединив в альбом. Руби была счастлива: он отнесся к ней как к профессионалу.

Эрин, дав наконец согласие жить вместе с Робертом, поставила единственное условие: инструмент Руби тоже переезжает. «Нас в семье трое, – сказала тогда она, – и мы неразделимы». Роберт не колебался ни секунды: музыку Руби он обожал. Эти две женщины, мать и дочь, принесли весну в его жизнь.

– Ну? – Роберт убавил звук. – Я освежил твою память? Теперь ты вспомнила, почему мы так мечтали отправить ее в Грейвуд?

Эрин кивнула. Она казалась маленькой и хрупкой, как ночной мотылек на свету. – Вроде и опасно, и надо бы спасаться бегством, но огонек так и манит.

– Я просто не понимаю, что случилось со свидетельством, – мягко добавил Роберт, поглаживая светлые волосы жены.

Эрин села на кровати. Из левого глаза скатилась слезинка, она вытерла щеку простыней.

– Кто-то ошибся – вот и все. – Она выдавила улыбку – чахлое подобие улыбки, приправленной сомнением, – и прошлепала к туалету. – Ясно же – что-то где-то пошло не так, – крикнула она из-за полуприкрытой двери.

Роберт, постеснявшись войти следом, застыл снаружи, словно забытая строителями подпорка.

– Ты права, – вздохнул он, каясь, что расстроил Эрин. – Что-то пошло не так. Где-то.

Подозрения растаяли. Роберт поплотнее закрыл дверь ванной.

Даже в семь утра воздух был по-прежнему душен и пропитан тошнотворно сладким ароматом роз и начинающей отцветать жимолости. Под ритмичный топот двух пар ног Роберт время от времени бросал взгляды на шею Луизы, где россыпью мелких бриллиантов блестели капельки пота.

– Отлынивал, а-а? – хохотнула Луиза. Роберт ответил кривой улыбкой – на большее его не хватило. А партнерша по пробежке за четверть часа даже не запыхалась. Он незаметно скорчил гримасу: мог бы ведь, между прочим, до сих пор нежиться в постели в обнимку с Эрин.

– Играю в сквош по воскресеньям и стараюсь выкраивать время на тренажерный зал.

Роберт притормозил и согнулся, упираясь ладонями в колени, но остановить бег стройных женских ножек ему не удалось. Луиза на ходу повернула голову и улыбнулась: белоснежная вспышка на фоне синего-синего неба.

– А как там наш Дэн? О-о, я тебя умоляю, не халтурь, иначе до сорока не дотянешь!

Не сбиваясь с ритма, Луиза вернулась, подцепила Роберта под влажную подмышку и попыталась потащить за собой. Оба расхохотались: Роберт определенно не вытягивал всю дистанцию.

– А что Дэн? Дэн – он и есть Дэн. – Роберт вновь затрусил рядом с ней. – Бизнес идет.

– И кто у вас теперь за ищейку? – Луиза подтянула широкую резинку облегающих «велосипедок» – своей формы для утренних пробежек.

– Брайан Хоук. Тот еще ловкач – форменный клоун на похоронах. – Сделав выпад вперед, Роберт ухватил локоть Луизы, размеренно двигавшийся взад-вперед. – Какая жалость, что ты больше у нас не работаешь.

Ряд домиков из рыжего камня закончился, дорожка сузилась, и бегунам пришлось перестроиться гуськом и держаться самой обочины – впереди ждали крутые повороты.

– Окрестностями полюбоваться не хочешь? – Роберт остановился в воротах из пяти мощных бревен и махнул обернувшейся Луизе. – А то и не поговорим, – крикнул он, задыхаясь.

– Поговорим? Я считала, мы вышли на пробежку.

Бок о бок в воротах, они смотрели на раскинувшееся до горизонта лоскутное одеяло разноцветных полей. Оба молчали, выравнивая дыхание и ощущая, как утреннее солнце подсушивает кожу. Момент из тех, когда хочется воскликнуть: «Остановись, мгновенье…» У Роберта так много всего было на уме, что он не знал, с чего начать, сомневался, стоит ли вообще заводить этот разговор, и опасался усложнить ситуацию.

– Вы с Эрин вправду счастливы? – Луиза встала лицом к Роберту. – Как-то ты меня вчера не убедил. – Дыхание ее было ровным, о пробежке напоминал лишь влажный блеск щек да испарина в ложбинке груди.

Вопрос с подвохом, решил Роберт, – удобная затравка для беседы о ее собственном браке.

– Нам хорошо вместе. – В груди у Роберта болезненно екнуло. – Мы обожаем друг друга. И Руби – прелесть. Эта девочка – выдающаяся пианистка.

– Но вы счастливы?

Боль в груди усилилась, буквально раздирая ребра.

– Конечно.

– А почему я тебе не верю? – Носком кроссовки Луиза пнула ворота и ладонью прикрыла глаза от солнца, бившего из-за спины Роберта.

Он пожал плечами.

– Без проблем ни у кого не обходится. – Луиза молчала, и он продолжил: – Вступая в брак, тем более во второй раз, никто и не рассчитывает, что будет рассекать хрустальной чистоты воду в бассейне.

– Да уж, – задумчиво отозвалась Луиза. И рассмеялась: – Плаваешь скорее в грязном пруду.

– Вот-вот. И очень быстро обнаруживаешь, что таится в тине на самом дне. А если случайно зацепишься за что-то ногой, то невольно начинаешь гадать, какие сюрпризы тебя еще ожидают в мутных водах. – Роберт рассеянно побарабанил по створке ворот и наконец решился: – С Эрин что-то не так, Лу! Она ведет себя очень странно, будто что-то скрывает.

Пауза была долгой – над их головами пролетела стая уток, протарахтевший в ворота грузовик оставил клубы пыли и сизую бензиновую гарь.

– Опять? – простонала Луиза. – Боже, только не это!

Роберт фыркнул и с силой оттолкнулся от ворот, сбросив с планки ногу Луизы. Вскинул руку, словно отмахиваясь от ее догадки.

– Вот, значит, о чем ты подумала? Считаешь, урок прошел для меня без толку?

– Нет, просто мне кажется…

– Знаешь, я ведь тебе кое-что так и не рассказал о смерти Дженны. – Глубокий голос Роберта упал до едва слышного шепота.

Луиза терпеливо ждала, понимая, что это признание для него куда тяжелее многокилометровой пробежки.

– Я услышал сообщение на автоответчике. От мужчины. Мол, он ждет не дождется их следующего свидания в гостинице.

Ладонь Луизы легла на его плечо:

– И тебе стало легче?

– От того, что я оказался прав насчет ее измен? От того, что не зря гонялся за ней день и ночь, устроил слежку, как одержимый, рылся в ее письмах, мейлах, эсэмэсках… – У него перехватило дыхание. – Спрашиваешь, стало ли мне легче, когда я получил доказательство того, что имел все основания превратиться в ревнивца, в натурального параноика, который в итоге довел ее до бегства из дома, который не остановил ее, когда она после бутылки вина прыгнула в машину и помчалась куда глаза глядят – лишь бы подальше от меня?!

Луиза покрылась мурашками, хотя день обещал быть жарче вчерашнего. Тысячи раз она все это слышала, но легче не становилось.

Дженну вдавило в рулевое колесо… Шейные позвонки раздроблены… Душа покинула ее пепельно-серое тело… Из внешних повреждений – лишь царапина на правом виске…

– Мне все кажется, что я ее вижу, – признался Роберт – таким ровным тоном, вроде в суде выступал. – На площадке лестницы. Под ивой в саду. Она совсем как живая. – Он остановил взгляд на Луизе, ожидая ее реакции.

– Да ведь прошло-то чуть больше года, Роб. По мне, так со второй женитьбой ты поторопился. – Луиза вытерла взмокшую шею краем футболки. – Неудивительно, что твои призраки вторгаются в реальность.

– Я поторопился?! Отлично сказано, Лу В самом деле – превосходно! – Роберт пнул ворота, шагнул в сторону, будто собрался уйти, вновь вернулся. – Моя жена погибает в апреле прошлого года. За два месяца до того ты выскакиваешь за своего гребаного как его там… Уильяма, с которым и знакома-то была пару недель, с рождественской вечеринки…

– Уиллем, – оборвала его Луиза. – Моего мужа зовут Уиллем ван Холтен. А в остальном ты прав: мы познакомились в Рождество, поженились через восемь недель, а еще через два месяца Дженна погибла… – Она запнулась. Сделала глубокий вдох. – Правда и то, что нам, черт побери, не светит быть вместе, потому как один из нас непременно окольцован!

И Луиза, как скаковая лошадь, с места в карьер, рванула прочь, уверенная, что Роберт и попытки не сделает ее догнать.

Еще минут двадцать, прежде чем направиться обратно в Марток, Роберт вглядывался в синее до самого горизонта небо. «Не светит быть вместе», – вновь и вновь повторял он про себя, задаваясь вопросом, что же вызвало всплеск эмоций у Луизы, обычно невозмутимой, как буддистский монах.

Эрин и Руби он нашел в ресторане: Руби на полную катушку наслаждалась разнообразием шведского стола, а Эрин потягивала кофе. Реакция дочери на появление Роберта вывела Эрин из задумчивости, хотя глаз от крахмальной скатерти она так и не подняла.

– Привет. – Роберт поцеловал жену в макушку. – Решила пропустить завтрак?

Он принял душ и переоделся в джинсы и зеленую полосатую рубашку. Еще влажные волосы блестели в приглушенном свете потолочных ламп.

Роберт собирался свозить семью в замок Шербурн. Не хотелось торчать поблизости во время предстоящей свадьбы. Луиза, пусть и не в подвенечном платье, но все же в наряде подружки невесты, – зрелище для него невыносимое. За столом он устроился между женой и дочерью.

– Хорошо пробежался? – Вопрос Эрин был горек, как черный кофе в ее чашке.

– Неплохо, спасибо. – Роберт развернул салфетку; официантка приняла его заказ.

– С Луизой, – выдохнула Эрин.

– Папа, ты вчера обещал показать нам какой-то старинный замок! – Руби наколола на вилку кусок сосиски.

– Мог бы и меня пригласить. – Эрин прикрыла чашку ладонью, молча отказавшись от добавки кофе, предложенной официанткой.

– Не думал, что ты любишь бегать по утрам.

– А ты – любишь? – Эрин поднялась и быстрым шагом покинула ресторан.

– Само собой, Руби, в замок мы съездим.

Помешивая ложкой чай, Роберт увидел, как Луиза и Эрин разминулись в фойе гостиницы. Ни словом, ни жестом не признав друг друга.

Глава IX

Просыпаюсь от того, что мокрая с ног до головы. Даже простыни и пижама с начесом пропитались чем-то теплым и пахнут зверьком. Вот мать разозлится, что я такое натворила. Я ведь уже несколько лет в постель не мочилась. Включаю настольную лампу – ой! – еще и крови полно. Пока разыскиваю халат, из меня все льется и льется. Сделаю шаг – по ногам течет и не перестает, сколько ни старайся.

Я хнычу. Обидно – я ж не виновата вроде, а влетит так, что мало не покажется. Стягиваю пижамные штаны, все в моче и крови, сую под кровать. Вытаскиваю ведро, оседлала его, но с такими темпами еще пара минут – и через край польется. Вчера-то они его не выносили. Может, в окошко выплеснуть?

На часах почти полночь, до Нового года всего двадцать минут. Мать сказала, сегодня они с отцом отмечают праздник у дяди Густава и тети Анны. Там будут такие малюсенькие pierogies – вкуснятина! – а еще мясо cwibak и медовый пирог piernik, а детям разрешат глотнуть сладкого miod pitny из крохотных пиалочек в форме рыбок, которые пахнут пылью буфета тети Анны, – он у нее деревянный и весь в дырочках от жука-древоточца. Ровно в полночь дядя Густав протрубит в рожок, как на прошлый Новый год и все другие на моей памяти.

Расписывая праздничные планы, мать все заглядывала мне в глаза – вдруг расплачусь – и, затаив дыхание, надеялась хоть какой-нибудь знак увидеть, что я тоже мечтаю туда попасть. Там ведь соберется столько народу, и все будут танцевать, петь, смеяться, есть и пить, отмечая Новый год. Мои двоюродные братья и сестры устроят кучу-малу, будут подкалывать друг друга и втихаря таскать выпивку. Я очень старалась не замечать удовольствия на лице матери, не видеть, как сжались ее губы и сузились злобные бесцветные глаза, когда она поняла: до ее дочери наконец дошло. Меня даже не пригласили. Хотя, сгорая от стыда, я все равно должна была отказаться.

Матери невдомек, что меня не тянет на подобные сборища: слишком страшно. Изо всех сил пытаясь не выдать ей разочарования, я отворачивала свое бескровное, распухшее лицо шлюхи – и пропустила миг, когда в душу вполз страх.

А вдруг он вздумает меня искать?

На рассвете родители пойдут домой, пошатываясь и держась за руки, румяные, помолодевшие, уставшие и продрогшие, но согретые изнутри. Семейство Вайстрах – мои дядья, их жены и сестры, кузены и кузины, тетки, моя бабка – встречает Новый год под неусыпным надзором моей матери и ее невестки, тети Анны.

Меня скрючивает от боли, я валюсь на кровать. В животе дикие спазмы – то ли от паршивой еды, а скорее просто с голоду. Я тычусь лицом в подушку, вгрызаюсь в нее – боль уходит, будто и не было. Зато меня начинает трясти, а когда я поднимаюсь, по ногам опять текут горячие струи. Закутываюсь в халат и снова забираюсь в постель. Утром все наладится, как говорила мать, когда еще любила меня. И я засыпаю. Мне снится Рождество. На подносе сегодня принесли чуточку больше еды и крекер. А с кем мне его было ломать, спрашивается? Во сне крекер превращается в длиннющий нож, и, когда они приходят за подносом,

я втыкаю нож по очереди каждому в живот – и внутренности послушно вываливаются, потому как крекерный нож ну просто жутко острый. А мой живот пронзает такая боль, что я сучу ногами и ору во все горло. Хватаюсь за перекладину кровати над головой с такой силой, что железный прут обжигает ладони. И снова кричу. Откуда-то из самой глубины. Я даже не уверена, что это мой крик.

Пробую встать, но падаю с кровати и стукаюсь головой об пол. Больно не очень, не считается. А вот та боль, что раздирает живот, клещами рвет поясницу и выдергивает хребет из спины… не стерпеть. В промежутках между приступами меня осеняет, что это ребеночек решил родиться. Где же мать?! Я зову ее, пока хватает сил. Пока боль не возвращается.

Стащив с кровати подушку, я дремлю прямо на полу, урывками. Под кроватью свалены старые игрушки – кукла Патриция, плюшевый заяц, когда-то розовый, а теперь просто грязный, стопка детских книжек и та самая игра «Змейки и лестницы», которую он подарил мне на позапрошлый день рождения. Завернул в обычную фольгу, а ленточку снял с коробки конфет. А теперь говорит, чтобы я забыла. Про «Змейки и лестницы» забыла, что ли? Нет, про другое, – и смеется еще!

Я подтягиваю ноги к животу – не помогает. И тут же вся скукоживаюсь, потому что новая волна боли хлещет по телу.

– Мама…

Каким-то чудом встаю. Ухватившись за край кровати, раскачиваюсь из стороны в сторону, когда наваливается боль. Жмурюсь до искр в глазах и хватаю ртом воздух галлонами, даже голова начинает кружиться, а весь мир кажется вверх тормашками. Тошнит, но в желудке пусто. Не рвота – пустая вода хлещет на покрывало. Совершенно обессилев, я падаю на колени.

– Помогите! Кто-нибудь! Мама…

Снова заснула, на карачках, обхватив шар живота руками и упираясь лбом в голые половицы. Мне снится он, и я просыпаюсь в поту и задыхаясь от ужаса: неужели он здесь? Оглядываюсь. Его нет.

Будет этому конец? Я вою по-собачьи, высунув язык, я тужусь, выворачиваясь наизнанку, и визжу, визжу, утопая в океане боли, потому что дышать нечем, а я одна, совсем одна, и никто не приходит помочь мне. Я снова бьюсь лбом об пол и снова тужусь. У меня все получится.

Опять «Змейки с лестницами» лезут на глаза – в упаковке, так и не открытая коробка, новехонькая. Сунув руку под кровать, нащупываю в пыли коробку и подтаскиваю к себе. Игра для двоих и более участников. Снимаю крышку, достаю доску. Лестницы желтые, змейки – зеленые и красные. Есть еще запечатанный пакетик с фишками и два кубика. Разрываю пакет, бросаю кубик и двигаю фишку на пять клеток, но тут боль возвращается, и я снова зверею, рычу как раненый медведь, и выгибаюсь, и тужусь, зная, что раскаленные стержни, прожигающие мое тело насквозь, меня убьют. Наверняка.

Попала на лестницу, которая ведет в клетку 34. Урра! Бросаю кубик – шесть очков. Затем три очка, и опять лестница, а змейка, на которую я попала бы, если бы выбросила два очка, здорово напоминает его. Кожистая, скользкая морда с черными глазами-бусинами под слишком большими веками. Веки у него смахивают на шторы в нашей гостиной. Нелепые, потому что слишком тяжелые.

Опять вспышка боли. Выплевываю кусочек зуба – откололся, когда я присосалась к железной перекладине кровати. А как еще охладить тело, если я вся горю? Сейчас я – отсек космического корабля, вернувшийся в атмосферу Земли.

Ставлю другую фишку на старт – за него. Понарошку он тоже играет. Но я должна победить. Использую оба кубика сразу – так быстрее. Как безумная, бросаю и бросаю, по очереди двигаю фишки, свою, затем его, поднимаюсь по лестницам, падаю – и снова выше, выше, к вершине. Он догоняет, несмотря на мой первый ход. Лысый, в родимых пятнах череп все ближе: он наступает мне на пятки. Я обогнала его всего на один пролет, и если он протянет руку – визжу от боли, – то схватит меня за лодыжку, пока я корчусь на клеточке 57.

Я сунула кулак между ног, а там что-то шерстяное, выпуклое и мокрое. Я заливаюсь хохотом – и вдруг оглушительный рев исторгает какая-то часть меня, о которой я и не подозревала. Тужиться. Сейчас я могу только тужиться, иначе умру. Я горю, горю! Зову свою babka. Она поможет. Она ничего не знает про моего ребеночка. Три часа тридцать шесть минут. Где все?! Можно отдышаться. Бросаю кубик. Он меня обыгрывает, ясное дело. Отстал всего на три клеточки.

Я действую по наитию. Подтягиваю поближе подушку, сдергиваю с кровати покрывало. Сооружаю гнездышко. Это моя единственная надежда. Слышу тихие звериные стоны – мои, наверное. А внизу булькает и пахнет молоком. Это он, мой ребеночек, точно. Я полулежу, полусижу, опираясь на локти, раздвинув ноги шире некуда. Страшный толчок изнутри. Мир на миг чернеет и стихает – эпицентр бури, – и вот я уже вытянулась до предела, наедине с болью, которая кажется – в сравнении с «Лестницами и змейками» на пару с ним – почти терпимой.

Громадная, грозная фигура нависает надо мной, смотрит, как меня раздирает надвое, хохочет, и слюна блестит в углах широкого жадного рта, а блестящий ботинок елозит по моему бедру, и руки шарят там, где не должны. Головка вышла полностью. Боли нет, только я с двумя лицами: одно морщится, щурится у меня между ног, другое запрокинуто кверху, багровое, измученное.

Вдруг – незнакомый звук. Писк. Я слышу его и чувствую мельтешение тельца внутри. Последний укол боли – и оно выплескивается из меня на волне слизи и крови. Я хватаю своего ребеночка, чтобы опередить его, чтобы он не добрался первым. Обнимаю крепко, даже глазком не взглянув на медленно разворачивающийся клубочек, – прячу от той фигуры, что теперь присела передо мной и толкает меня на покрывало, ищет тонкими губами мои губы, возит гладкими влажными ладонями по моему опавшему животу. Прижав губы ребенка к своему соску, я удерживаю бледные лапки, которые злобно молотят воздух, и наконец понимаю, что родила девочку в первый день нового года.

Что-то еще выплывает из меня, теплое и плотное, как сырая печенка, и остается лежать между ног. А он исчезает, прижав палец к губам, чтобы я молчала до конца своих дней. Тает в воздухе, оставив на моих губах горечь трубочного табака. Я грею ребеночка своим телом, не переставая молиться, чтобы он не вернулся. Я дрожу. Покрывало мокрое, но я все равно набрасываю его на плечи. Устала. Так устала, что нет сил шевелиться. Уже проваливаясь в сон, я соображаю, что благодаря дяде Густаву моя дочь – она же и моя двоюродная сестра.

Глава X

Роберт велел Джеду Боумену вернуться через полчаса. Клиент, мягко говоря, остался недоволен – багровые щеки приобрели лиловый оттенок; громила окинул адвоката свирепым взглядом, точно примеривался, куда бы врезать. Как только он вышел из офиса, Роберт запер дверь приемной. У Дэна все утро занято деловой встречей, а Элисон, его секретарь-референт, заболела, так что офис в полном распоряжении Роберта и Тани.

– Ну-ка, садись за телефон!

Роберт поморщился. Стыдно, конечно, обращаться с Таней как с нерадивой ученицей, но ничего не поделаешь. В «Маргаритке», замещая Эрин, она справилась превосходно, и все же к концу недели из фирмы вылетит – если не раскопает свидетельство о рождении Руби. Пока секретарша набирала номер, Роберт стоял рядом как приклеенный.

– Включи громкую связь.

– Доброе утро. Отдел регистрации актов гражданского состояния Нортгемптона. Чем могу помочь?

– Здравствуйте. Я подавала заявку на получение копии свидетельства о рождении.

– Оставайтесь на линии, пожалуйста. Переключаю.

– Вечно у них запарка – не дождешься, пока соединят, – пожаловалась Таня, прикрыв ладонью микрофон.

Молчание Роберта и поза истукана со сложенными на груди руками подсказали Тане, что босс не примет никаких отговорок, пока лично не услышит ответ. Редкий случай: работая с ним не один год, она привыкла считать его человеком разумным.

Механический голос сообщил, что они пятые на очереди. Убивая время, Роберт перечитал бумагу из архива: «…не имеем возможности предоставить копию свидетельства о рождении, исходя из имеющейся информации… среди актов нет записи о рождении Руби Элис Лукас, дата рождения 01.01.1992…» Данные

верны. Все абсолютно точно. Разве что у Руби, помимо Элис, есть еще одно имя, которого он просто никогда не слышал? Или же Руби – вообще семейное прозвище? Надо бы спросить у Эрин. Факты нужны, факты. Пока двигалась телефонная очередь, Роберт придумал еще одну гипотезу: вполне возможно, что после разрыва с отцом девочки Эрин переписала ее на свою девичью фамилию – и тем самым демонстративно разрубила последнюю нить с человеком, которого больше не было в ее жизни. Вполне в духе гордой и независимой Эрин. В этом случае изначально Руби была записана под фамилией отца – понятно, что свидетельства о рождении Руби Элис Лукас не существует. Роберт даже позу сменил, машинально ослабив хватку рук на груди: кажется, разумное объяснение все же можно найти.

Эрин никогда не упоминала об отце Руби, и Роберт, уважая ее чувства, не горел желанием выпытывать детали, однако для себя почему-то решил, что фамилия Лукас досталась Эрин от первого брака. Особого значения это не имело, а ворошить прошлое (что Роберт знал по собственному горькому опыту) – занятие неблагодарное и чреватое. Вот почему в отношениях с Эрин, как до, так и после свадьбы, он касался лишь мизера личных нюансов, сознательно скользил по самой поверхности – из страха сокрушить что-то хрупкое и невозвратимое. Подобная тактика самосохранения удручала, но Роберт предпочел закрывать глаза на это чувство.

– Старший инспектор службы регистрации актов гражданского состояния. Чем могу помочь?

Таня открыла рот, но Роберт вырвал у нее трубку. Секретарша не оправдала его доверия – не дай бог, опять что-нибудь напутает, а время поджимает.

– Добрый день. Э-э… Около недели назад я отправил в адрес вашего отдела срочную заявку на получение копии свидетельства о рождении моей падчерицы и получил отказ. Якобы свидетельство не обнаружено. Будьте так любезны, взгляните еще раз. Уверяю вас, девочка существует. Не далее как сегодня утром я видел ее собственными глазами. – Юмор не помешает, чтобы расположить к себе чиновницу. В противном случае без проволочек не обойтись.

– Код ответного письма, пожалуйста? Роберт отчетливо продиктовал цифры и замер в ожидании, прислушиваясь к дыханию женщины и щелканью клавиатуры.

– Нет. Мне очень жаль, но запись не обна…

– Это мне известно, я внимательно прочитал ваше письмо. Хотелось бы узнать, почему запись не обнаружена.

Присев на край секретарского стола, Роберт перечислил все данные Руби: родилась тогда-то, полное имя, родители развелись… Старшего инспектора, однако, детали не интересовали – очередь из абонентов росла с каждой минутой.

– Прошу прощения, – оборвала она Роберта, – в заявке вы предоставили исчерпывающую информацию. Могу предположить, что либо вы перепутали имя ребенка, либо, что более вероятно, ее рождение не было зарегистрировано в нашем отделе. Иных объяснений у меня нет. Попробуйте уточнить все детали у ее матери – возможно, вкралась какая-то ошибка.

– Думается мне, имя падчерицы я все-таки знаю, – кисло отозвался Роберт. – А нельзя ли попросить кого-нибудь из ваших служащих проверить всех детей, родившихся в этот день?

– Нет, сэр, извините. Для такого рода поисков у нас нет ни людей, ни времени. Если бы нам пришлось…

– Благодарю за помощь. – Швырнув трубку, Роберт до боли закусил губу.

От этой бабы определенно больше ничего не добиться. Он налил себе кофе – едва не забыв предложить и Тане чашку. Секретарша кивнула в ответ на его вопросительный взгляд, и какое-то время оба молчали, мысленно прокручивая недавний телефонный разговор. Пока Роберт, обжигая рот, пил кофе, еще одна мысль пришла ему в голову: а вдруг он неверно запомнил день рождения Руби? Как ни крути, а к Эрин обращаться придется, хотя ее реакцию предсказать нетрудно, когда она услышит, что муж запутался в датах. Женщины подобных ошибок не прощают. Упаси боже, к примеру, прозевать день свадьбы – не помогут ни ссылки на забывчивого ювелира, ни разнос агента из бюро путешествий, безмозглого растяпы.

– Первое января тысяча девятьсот девяносто второго, – произнес он вслух. – Тридцать первое декабря девяносто первого.

Первое января, решил он, без сомнения. Да, но, может быть, девяносто первого года?

Эрин должна его извинить – в конце концов, отец-то он, так сказать, по стечению обстоятельств. Полюбил Эрин, а Руби вышла довеском. Очень милым довеском, слов нет, но все же на дочь-подростка в придачу к жене он как-то не рассчитывал. Отцовство – дело нелегкое, а зачастую и неблагодарное. Впрочем, сейчас обе его девочки ему одинаково дороги.

Роберт набрал номер магазина Эрин.

– Магазин «Маргаритка»!

Роберт слушал голос жены, чувствуя, как уходит напряжение. После всего, что он пережил с Дженной, подумал он, его подозрительность естественна. И Луиза была права: он действительно поторопился, хоть признавать это и не хотелось. С другой стороны, если бы он тогда не сделал решительный шаг, если бы не вернулся за своим зонтом…

– Привет, малыш. Это я. Говорить можешь?

– Запросто. В магазине ни души. А что?

– Да вот опять загвоздка с датой и местом рождения Руби. В отделе регистрации так и не могут разыскать нужную запись, а для поездки в Вену нужно поторопиться с паспортом. – Роберт открыл ящик секретарского стола, достал ручку и, прижав трубку телефона к уху плечом, приготовился писать. – Эрин?

– Роб, не начинай все заново. По-моему, мы уже решили, что вопрос о Вене на повестке дня не стоит.

Роберт, глянув на Таню, улыбнулся, вновь пожалев, что так с ней обошелся. Эта женщина всегда была предана фирме, да и лично ему. Таня улыбнулась в ответ и забарабанила по клавиатуре своего компьютера.

– Не стоит на повестке дня? – повторил он в трубку, понизив голос, хотя в данный момент готов был зарычать. – Ты не забыла, что речь о твоей

собственной дочери?

– Вот именно. Моей дочери.

Роберт вздохнул. В присутствии Тани семейная ссора исключалась.

– Можешь по крайней мере подтвердить, что Руби была зарегистрирована под фамилией Лукас в Нортгемптоне? Ты ведь говорила, она там родилась, верно? Независимо от школьной экскурсии, паспорт ей необходим. Или ты твердо решила не выезжать из страны до конца своих дней?

– Роберт, мне надо бежать – покупатель ждет. Пока. – Эрин звучно чмокнула трубку и отключилась.

Джед Боумен в офис не вернулся. Время, отведенное на общение с клиентом, Роберт провел, перечитывая дело Боуменов, от которого его с души воротило.

Затянулось оно что-то. Давно пора ставить точку. К тому же тяжба азбучная – на таких юристов учат, – хотя и перевернутая с ног на голову в сравнении с бездной процессов об опекунстве. Отец добивается исключительного права на проживание со своими двумя детьми. Мать страдает алкогольной и наркотической зависимостью и не занимается детьми, мнением которых, между прочим, даже не поинтересовались. С кем предпочли бы остаться сами дети? У истца на данный момент имеется жилье и постоянная работа. Конец истории.

– Точно. Конец истории. И нечего ломать голову. Победа уже в кармане. – Роберт откинулся на спинку кресла. – Жаль, в победителях будет Джед Боумен, чтоб ему провалиться.

Высказавшись вслух, Роберт попал в глупейшее положение: на пороге кабинета стояла Таня.

– Мистер Найт, к вам посетитель. Мэри Боумен.

Ужом выскользнув из-за стола, Роберт прикрыл дверь.

– Мэри Боумен – то бишь в скором времени бывшая жена Джеда?

– Она самая. – Вид у Тани был до крайности довольный: скандалы она обожала.

– И чего хочет?

– Поговорить с вами. Впустить?

Заманчиво, ох как заманчиво. Роберта раздирали сомнения. Дэн еще не вернулся со встречи, а Таня, если не хочет потерять место, будет держать язык за зубами. Роберт отлично понимал, что встречей с ответчицей нарушит профессиональную этику, тем более в отсутствие своего клиента. И все же… не для протокола… Человек внимательный и отзывчивый, Роберт нутром чуял, что не так все просто в этом деле, от результата которого к тому же зависела судьба детей. Решившись увидеть конфликт глазами Мэри Боумен, он думал о Руби.

– Пригласи.

Миниатюрная, не выше метра пятидесяти, миссис Боумен была в допотопном бежево-голубом кримпленовом платье – нечто похожее Роберт видел в гардеробе своей матери. Следовательно, прикинул он, платьицу уже далеко за полвека. Возраст самой Мэри он помнил из дела – тридцать пять. Личико Мэри, маленькое, как у ребенка, едва ли не полностью скрывали гигантские – тоже старомодные – солнечные очки и жидкие, мышиного цвета, кое-как обкромсанные волосы. Усилия приодеться ради визита к адвокату были очевидны, но в итоге она производила впечатление женщины, живущей на грани нищеты, давно потерявшей самоуважение и уверенность в себе. На первый взгляд она выглядела до того жалко, что Роберт был удивлен, как это она рискнула переступить порог фирмы. В общем и целом Мэри Боумен казалась человеком, который цепляется за жизнь кончиком одного-единственного пальца. Пожав протянутую руку, Роберт отметил и отсутствие колец, и ледяную сухость кожи, и дрожь пальцев. Таню он отослал в приемную, сделав вид, будто не заметил ее любопытства.

– Присаживайтесь, прошу вас.

Мэри Боумен чопорно опустилась в кожаное кресло, дождалась, пока Роберт, выкатив свое кресло из-за стола, устроится напротив, и лишь тогда подняла

голову и сняла очки. Жесты ее были вымучены, словно она двигалась в жидком бетоне, а взгляд отстранен и пуст. Собственно, лицо Мэри Боумен поведало Роберту все, чего он еще не знал о деле «Боумен против Боумен». Нос Мэри был изуродован переломами, свежими и застарелыми шрамами через всю переносицу, а глаза напоминали подгнившие сливы, утопленные во вздувшуюся плоть, скверно замазанную тональным кремом.

Роберт втянул ртом воздух – во-первых, просто не удержался, а во-вторых, не смог иначе проглотить восклицание, готовое сорваться с губ. Семейным правом он занимался с момента получения диплома, представлял несколько дел об ужасающем супружеском насилии, но Мэри Боумен, явившаяся перед ним живым свидетельством зверств мужа, породила в Роберте серьезные сомнения в том, что он способен и согласен защищать на суде интересы Джеда Боумена. Причем сомнения эти не были связаны с шатким финансовым положением клиента. В свое время Роберт раскрутил несколько не менее тошнотворных дел клиентов, которые раскатывали на авто стоимостью в восемь тысяч фунтов – и при этом били жен смертным боем. Странно лишь, что прежде это обстоятельство его не трогало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/sem-hayes/moya-chuzhaya-doch/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Купить: https://tellnovel.com/ru/sem-hayes/moya-chuzhaya-doch-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить